Ледяная принцесса

Автор:
Камилла Лэкберг

Ледяная принцесса

Камилла Лэкберг

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звездыФьельбака / Патрик Хедстрём #1

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Ее называют «шведской Агатой Кристи». Камилла Лэкберг – ведущий автор среди прославленных мастеров скандинавского детектива. Первый же ее роман стал мировым бестселлером – как, впрочем, и каждый последующий. Лэкберг входит в десятку самых популярных писателей Европы. Ее книги переведены более чем на 30 языков и проданы тиражом более 20 млн. экземпляров.

Фьельбака благонравна и благополучна – настоящий райский уголок. По крайней мере, таким привыкла считать свой родной город писательница Эрика Фальк. Именно поэтому ее до глубины души потрясло известие о загадочной гибели подруги детства. Красавица Александра, лежа с рассеченными запястьями в ванне, истекла кровью, а потом зимняя стужа превратила ее тело в лед. Но не все верят, что это самоубийство…

«От романов Лэкберг бросает то в жар, то в холод».

Sun

«У Лэкберг особый дар: ей удалось создать два наиболее законченных образа во всей современной детективной литературе – причем сделать это с особой теплотой, пробивающейся сквозь скандинавскую холодность».

Independent

Камилла Лэкберг

Ледяная принцесса

Camilla L?ckberg

Isprinsessan

© Camilla L?ckberg, 2002

© Боченкова О. Б., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

1

Дом был пуст. От стен тянуло холодом. Ванну покрывал тонкий слой изморози. Кожа женщины уже начинала принимать голубой оттенок.

«Принцесса, – вот первое, что пришло в голову, когда он ее увидел. – Ледяная принцесса».

Пол был тоже словно ледяной, но он не чувствовал холода. Протянул руку, потрогал.

Кровь в ее жилах давно замерзла.

Никогда еще любовь к ней не была такой сильной. Он ласкал ее руку, словно это была душа, покинувшая тело.

Потом он вышел, не обернувшись. Он не прощался.

* * *

Эйлерт Берг не считал себя счастливым человеком. Страдал одышкой. Воздух тяжело выталкивался изо рта маленькими белыми облачками, но не здоровье было его главной проблемой.

Как не терпелось ему в первый раз лечь с ней в супружескую постель!.. Поначалу Свеа казалась такой нежной, доброй и стеснительной… Настоящая ее природа проявилась не сразу, вскоре после того, как утихли первые порывы юношеской страсти. Тогда-то он и попал к ней под каблук, где томился почти пятьдесят лет. Только потом и у него появилась своя тайна, слабый просвет, обещавший хоть немного свободы на склоне лет. Эйлерт не мог упустить такой возможности.

Всю жизнь он надрывался на рыбной ловле, а заработка едва хватало на содержание детей и Свеи. После им обоим и вовсе пришлось довольствоваться нищенской пенсией. Нечего и думать изменить что-то в жизни без лишнего гроша в кармане, поэтому подвернувшийся шанс стал для Эйлерта подарком судьбы. И это были до смешного легкие деньги; но при чем здесь Эйлерт, если кто-то готов платить за просто так?

Он и не думал этим смущаться. Стопка купюр в тайнике за компостерным ящиком быстро росла. Уже через год накопилась сумма, вполне достаточная для того, чтобы уехать на отдых в теплые страны.

Перед последним крутым подъемом Эйлерт остановился перевести дыхание и помассировал окоченевшие руки. Самое время теперь отогреться где-нибудь в Греции или Испании. По его подсчетам, жизни в нем оставалось лет на десять, не больше. Было бы обидно провести их дома, в обществе старухи.

До сих пор, если он когда и отдыхал от нее, то во время этой ежедневной утренней прогулки. Пара часов покоя и одиночества, заодно прекрасный моцион. Маршрут повторялся изо дня в день, и те, кто знал об этой его привычке, выходили на улицу поглазеть и перекинуться словечком. Эйлерту особенно нравилось встречаться с красивой девушкой из дома, что стоял высоко на холме, рядом с хокебакенской школой.

Она бывала здесь только на выходные, встречала его одна и всегда находила время поболтать о погоде. Фрёкен Александра интересовалась и прошлым Фьельбаки – темой, которую Эйлерт всегда был рад поддержать. Наконец, ему доставляло радость просто смотреть на нее. Эйлерт не мог не признаться себе в этом, несмотря на возраст. Конечно, и о ней болтали разное. Но если обращать внимание на пересуды местных кумушек, ни на что другое просто не останется времени.

* * *

С год тому назад она спросила, не затруднит ли его присматривать за домом раз в неделю, по пятницам. Все равно ведь прогуливается здесь каждое утро. Котел старый, да и водопроводные трубы ненадежны, а ей не очень-то приятно приезжать на выходные в нетопленое помещение. Он получит ключи, сказала фрёкен Александра, и будет проверять, всё ли в порядке. В поселке случаются кражи, поэтому Эйлерт должен обращать особое внимание на сохранность замка и окон.

Поручение не показалось ему особенно сложным. Раз в месяц он находил в почтовом ящике конверт с королевским, по меркам бедного пенсионера, вознаграждением. Помимо прочего, Эйлерту просто нравилось быть кому-то полезным. Тому, кто привык трудиться не покладая рук, трудно с утра до вечера шляться без дела.

Он с усилием открыл покосившуюся калитку. Во дворе громоздились сугробы, и Эйлерту подумалось, что неплохо бы отрядить кого-нибудь из мальчишек помочь фрёкен Александре с расчисткой двора. Это работа не для слабой женщины. Доставая ключи, он следил за тем, чтобы не уронить их в снег, опасаясь, что тогда ему придется встать на колени, и он больше не сумеет подняться. Наружная лестница обледенела, поэтому приходилось крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться.

Эйлерт собирался было сунуть ключ в замочную скважину, когда вдруг обнаружил, что дверь не заперта. Удивленный, он толкнул ее и вошел в прихожую.

– Эй, кто-нибудь дома?

Может, хозяйка на этот раз вернулась раньше обычного? Ответа не было. Глядя на поднимавшийся изо рта белый пар, Эйлерт осознал вдруг, какой холод стоит в доме. И вряд ли дело в изношенных батареях. Он сразу почувствовал – что-то произошло.

Эйлерт прошелся по комнатам – как будто всё на месте. Видеомагнитофон и телевизор стоят там, где обычно. Он осмотрел первый этаж и поднялся на второй. Лестница довольно крутая, поэтому Эйлерт крепко держался за перильные столбики. Наверху начал со спальни, по-женски обставленной, но опрятной и скромной, как и всё в доме.

Кровать была убрана. В ее ногах стояла дорожная сумка, похоже, нераспакованная. Эйлерт почувствовал себя дураком. Все говорило о том, что на этот раз фрёкен Александра и в самом деле вернулась раньше обычного, увидела, что батарея неисправна, и пошла искать помощи. Но что-то мешало ему принять это вполне естественное объяснение. Что-то здесь не стыковалось. В теле появились ощущения, как перед надвигающимся штормом.

Эйлерт осторожно продолжил обход. Следующей была маленькая мансардная комнатка с косым потолком, поддерживаемым деревянными балками. По сторонам камина стояли два кресла. И здесь все было в порядке, за исключением разве разбросанных на ночном столике газет. Эйлерт снова спустился на первый этаж. Ни в гостиной, ни на кухне он не обнаружил ничего подозрительного. Оставалась ванная, и Эйлерт почему-то медлил в нее заглядывать. В доме по-прежнему было тихо. Он постоял на пороге, посмеялся над собственными страхами и решительно толкнул дверь.

Секунду спустя Эйлерт бежал к выходу со всех стариковских ног. Вспомнив в последний момент, что ступеньки скользкие, ухватился за перила, чем уберег себя от падения по лестнице вниз головой. Тяжело дыша, зашагал по снегу через сад и выругался, когда калитку снова заело. На тротуаре остановился в полной растерянности. Снизу в темпе утренней прогулки приближалась фигура,

в которой он узнал Эрику, дочь Туре. Эйлерт закричал.

* * *

Эрика Фальк устала. Страшно устала. Она выключила компьютер и вышла на кухню приготовить кофе. На нее давили со всех сторон. Издательство хотело уже в августе иметь черновой набросок, а она только-только села за работу. Биография Сельмы Лагерлёф – вот уже пятая по счету книга Эрики о шведских писательницах. И она имела все шансы стать лучшей, не чувствуй Эрика такого опустошения.

Вот уже месяц прошел со дня смерти родителей, а боль нисколько не притупилась. Разобраться с их вещами тоже быстро не получилось. Каждая мелочь в доме пробуждала бурю воспоминаний. В результате ящики паковались по многу часов, и это сопровождалось погружением в прошлую жизнь, такую близкую и в то же время недосягаемо далекую. В конце концов все было кончено, и квартира в Стокгольме передана другим арендаторам. Эрика предпочла ей родительский дом во Фьельбаке, где она могла бы спокойно работать. Он стоял на отшибе, в Сэльвике, в самом тихом месте.

Эрика устроилась на веранде. Отсюда открывался вид на шхеры, от которого у нее всегда замирало дыхание. Декорации менялись в зависимости от времени года. Сегодня, к примеру, солнце изливалось ослепительными каскадами на лед, толстым слоем покрывавший воду. Отец любил такие дни.

Горло сдавило, и воздух в комнате вдруг показался спертым. Эрика решила прогуляться. Термометр показывал минус пятнадцать, поэтому она напялила на себя все, что попалось на глаза. И все-таки замерзла, едва переступив порог, хотя и быстро разогрелась на ходу.

Было тихо, на улице ни души. Эрика слышала только собственное дыхание. Совсем не то что в летние месяцы, когда в поселке кипела жизнь. Эрика понимала, что туристический бизнес – основа благосостояния местных жителей, и все-таки не могла избавиться от ощущения, что в сезон отпусков Фьельбака словно подвергается налетам саранчи. Дома на побережье постепенно скупали. Словно многоголовый монстр незаметно, год за годом, проглатывал старый рыбацкий поселок, погружая его в призрачное состояние на оставшиеся от туристического сезона девять месяцев.

Испокон веков Фьельбака кормилась рыбной ловлей. Скудная северная природа и вечная борьба за выживание закалили народ. Тогда все зависело от того, сколько сельди заплывет в прибрежные воды. Это потом уж разглядели живописность Фьельбаки. И тогда сюда устремились толпы туристов с набитыми кошельками, а рыбная ловля утратила значение основного источника доходов. И с этого, как казалось Эрике, началось падение Фьельбаки. Потому что молодые уезжали, а старые больше грезили о прошедших временах. Сама Эрика оказалась в числе тех, кто оставил эти места.

Она прибавила шагу и свернула налево, где улица поднималась по склону холма к хокебакенской школе. И уже приближалась к вершине, когда услышала голос Эйлерта Берга. Что он кричал, размахивая руками, она разобрать не могла. Эйлерт приблизился.

– Она мертва.

Он дышал тяжело, резкими толчками. В груди как будто что-то пищало, и от этого звука ей стало жутко.

– Успокойся, Эйлерт, что произошло?

– Она лежит там… мертвая.

Эйлерт махнул рукой в сторону большого деревянного дома голубого цвета и выжидающе посмотрел на Эрику. Та поняла не сразу, но, лишь только осознала сказанное, толкнула капризную калитку и зашагала к входной двери, которую Эйлерт оставил открытой.

Эрика осторожно переступила порог. Она все еще не представляла себе, что ожидает ее в доме, но почему-то не решалась расспрашивать. Эйлерт, бледный как мел, следуя за ней, кивнул в сторону ванной на первом этаже.

– Т…там…

Эрика давно не бывала в этом доме, но где ванная, вспомнила сразу.

Она почувствовала, что мерзнет, несмотря на теплую одежду. Дверь мягко открылась вовнутрь, и Эрика вошла.

Она и сама толком не знала, что ожидала здесь увидеть после того, что сказал Эйлерт. Но в любом случае оказалась не готова к открывшемуся ее глазам зрелищу. Ванная была выложена белым кафелем, на фоне которого кровавые пятна смотрелись особенно эффектно. На какую-то долю секунды Эрика даже залюбовалась, пока вдруг не осознала, что там, во льду, самая настоящая мертвая женщина.

Эрика узнала ее, несмотря на неестественную голубизну кожи. В ванной лежала Александра Вийкнер, урожденная Карлгрен. Это ее родителям принадлежал этот дом. В детстве Эрика с Александрой были лучшими подругами. Но с тех пор миновала вечность, и теперь Эрика смотрела на ледяную принцессу почти как на незнакомку.

Глаза были прикрыты, но губы уже приобрели ярко-синий цвет. Нижняя половина тела уходила в толщу льда, верхняя точно была обвернута сверкающей прозрачной пленкой. Правая рука свисала вдоль ванны, на краю которой лежала бритва. Пальцы утопали в луже замерзшей крови. От левой руки виднелось только предплечье, чуть ниже которого торчали колени. Длинные светлые волосы Алекс замерзшим веером перевесились через изголовье ванны.

Эрика так и застыла на месте. От представшей глазам картины веяло таким одиночеством и холодом, что она медленно попятилась к двери.

* * *

Дальнейшее происходило как во сне. Тут же набрали номер «Скорой», потом дожидались приезда медиков. В такой же ступор Эрика впала, когда узнала о смерти родителей. Вернувшись домой, она первым делом налила себе большую рюмку коньяка. Возможно, это было не совсем то, что прописал бы в такой ситуации доктор, но руки дрожать перестали.

Вид мертвой Алекс воскресил в памяти картины детства. С тех пор прошло больше двадцати пяти лет. Сколько людей встретилось и забылось за это время, но Александра как будто не покидала ее все эти годы. Детьми они были близки,

потом их пути разошлись. И все-таки Эрике не верилось, что Алекс могла совершить самоубийство, – что казалось самым естественным объяснением увиденному. Потому что Алекс, с которой они когда-то дружили, была самым жизнелюбивым и здравомыслящим человеком из всех, кого Эрика когда-либо знала в жизни. Красивая, уверенная в себе, она будто излучала нечто такое, что заставляло людей оборачиваться на нее на улице. Кроме того, судя по доходившим до Эрики и более чем правдоподобным слухам, судьба Алекс и в дальнейшем складывалась вполне благополучно. Она руководила галереей современного искусства в Гётеборге и была замужем за успешным и привлекательным мужчиной, с которым жила в роскошном особняке на острове Сэрё. И все-таки в конце концов что-то у нее там не заладилось…

Желая развеять тяжелые мысли, Эрика набрала номер сестры.

– Спишь?

– Ты шутишь? Адриан разбудил меня в три утра, а когда наконец уснул около шести, проснулась Эмма и захотела играть.

– А Лукас не мог тебе помочь, хотя бы в виде исключения?

Нависла гробовая тишина, и Эрика прикусила язык.

– У Лукаса сегодня важная встреча, ему надо было отдохнуть. На работе запарка, кампания перед важнейшим стратегическим выбором.

Голос Анны сорвался, в нем отчетливо слышались нотки истерии. У Лукаса всегда и всему находились объяснения. Очевидно, и сейчас сестра вещала с его слов. Он вечно готовился к важным встречам, или собирался с духом перед принятием ответственного решения, или же просто не находил в себе силы, потому что это ведь не шутки – руководить таким большим и успешным предприятием. Забота о детях – трехлетней малышке и младенце четырех месяцев от роду – целиком и полностью лежала на Анне. Поэтому на похоронах родителей тридцатилетняя сестра и выглядела на все сорок.

– Honey, don’t touch that [1 - Дорогая, не трогай это (англ.).].

– Тебе не кажется, что с Эммой пора говорить по-шведски?

– Лукас считает, что дома мы должны общаться по-английски. Мы вернемся в Лондон до того, как она пойдет в школу.

Лукас считает, Лукас говорит, Лукас думает – как же Эрика устала от всего этого… В ее глазах зять был порядочной дрянью.

Они познакомились, когда сестра работала няней в Лондоне. Лукас Максвелл, успешный биржевой маклер, был на десять лет старше Анны. Тем не менее она отказалась от прежних амбициозных планов и учебы в университете и посвятила себя тому, чтобы стать образцовой женой и хозяйкой дома.

Проблема, однако, состояла в том, что Лукас никогда не бывал доволен. И Анна, которая с детства всегда делала то, что хотела, быстро поблекла рядом с ним как личность. Пока не было детей, Эрика все надеялась, что сестра опомнится, оставит Лукаса и начнет наконец жить своим умом. Но когда появилась Эмма, а за ней и Адриан, стало ясно, что от зятя так легко избавиться не удастся.

– Давай сменим тему, – предложила Эрика. – Как поживают мои любимые племянники?

– Как всегда, ты же знаешь… Эмма в приступе ярости изрезала на куски несколько своих платьев, прежде чем я успела ее остановить. А Адриан третий день мучается рвотой и беспрерывно кричит.

– Похоже, пора менять обстановку… Что, если тебе приехать ко мне на недельку с детьми? Помимо прочего, ты могла бы кое в чем мне помочь. Пора наконец заняться всеми этими бумагами…

– Именно об этом мы и хотели с тобой поговорить…

Голос Анны задрожал, как бывало всегда, когда она заговаривала о чем-то неприятном. Эрика вздохнула. Это «мы» не предвещало ничего хорошего. Стоило вступить в игру Лукасу, как сестра тут же принимала его сторону. Эрика терпеливо ждала продолжения.

– Мы с Лукасом собирались вернуться в Лондон, как только все уладится с шведским филиалом. И потом, видишь ли… мы не сможем содержать здесь, в Швеции, такой большой дом. Ты ведь тоже не горишь желанием переехать сюда… ну, я имею в виду, одна, без детей, семьи и всего такого…

Нависла напряженная пауза.

– Так что ты хотела мне сказать? – Эрика накручивала волосы на указательный палец – детская привычка, напоминавшая о себе всякий раз, когда она нервничала.

– Ну… Лукас считает, что дом лучше продать. У нас нет возможности содержать его. Кроме того, по возвращении мы купим дом в Кенсингтоне. Конечно, Лукас хорошо зарабатывает, но эти деньги могут много для нас значить. Я имею в виду дом на побережье – это же миллионы и миллионы… Немцы просто с ума сходят от всех этих морских видов, и…

Анна продолжала приводить аргументы, но Эрика решила, что развеялась достаточно, и спокойно завершила разговор.

Для Анны она всегда была больше матерью, чем старшей сестрой, опекая и защищая ее с самого детства. Анна была настоящий ураган и не имела привычки заранее просчитывать последствия своих поступков, поэтому нередко попадала в затруднительные ситуации, из которых ее выручала Эрика. И таких случаев было гораздо больше, чем сама Анна могла бы вспомнить. Но теперь она уже не та, Лукас выбил из нее эту непосредственность, открытость жизни. И это было то, чего Эрика не могла ему простить.

* * *

Ночью Эрику быстро сморил тяжелый сон без сновидений, но наутро казалось, будто она почти не сомкнула глаз. Вчерашние события вспоминались словно в тумане. Тело болело от усталости. В животе урчало, и беглый осмотр холодильника убедил ее в том, что без посещения универмага «Эвас Ливс» ситуацию не исправить.

Поселок словно вымер. На площади Ингрид Бергман не было и намека на то торговое оживление, которое кипело здесь в летние месяцы. Зато превосходная видимость – ни дождя, ни тумана. На горизонте просматривался остроконечный мыс острова Валё, образующий вместе с Кроксгольменом нечто вроде узких ворот, за которыми открывался выход во внешние шхеры.

На Галербакен, уже почти на самом верху, Эрику ждала встреча, которой она предпочла бы избежать. Поэтому, лишь заслышав бесстыдно-радостный писклявый голос Эльны Персон, смутилась и стала искать пути к отступлению.

– Доброе утро. Кого я вижу в лучах утреннего солнца! Похоже, наша маленькая писательница отважилась на прогулку…

Эрика неслышно застонала.

– Вот решила дойти до «Эвы», подзакупиться.

– Бедняжка… Сколько всего в последнее время выпало на твою долю…

Двойной подбородок Эльны дрожал от возбуждения, и Эрике подумалось, что старушка похожа на маленького жирного воробья. Пальто, переливающееся всеми оттенками зеленого цвета, доходило до щиколоток, превращая тело Эльны в большую бесформенную глыбу. Руки сжимали дамскую сумочку. На голове бог знает каким чудом держалась неуклюжая фетровая шляпка цвета грязного мха. Маленькие глазки, будто защищенные жировыми складками, с любопытством глядели на собеседницу.

– Да, – призналась Эрика. – Это было нелегко…

Эльна понимающе кивнула.

– Да, я тут заскочила к фру Розенгрен… и она рассказала, что видела тебя и «Скорую» возле дома Карлгренов. Я как сердцем почувствовала – что-то там неладно. А после обеда позвонила доктору Якобссону, по своему делу, и все узнала… Он мне доверился, как ты понимаешь… у них ведь врачебная тайна, это надо уважать…

Тут фру Персон кивнула с таким видом, словно хотела показать, как она уважает врачебную тайну и доктора Якобссона.

– Ох уж эта молодежь… То есть я, конечно, не знаю, что там у нее произошло, но, признаюсь, девочка всегда казалась мне какой-то… уж слишком напряженной. Я давно знаю ее маму, Биргит, она всегда была такая… в общем, пучок нервов. А это, знаешь ли, передается по наследству. А уж воображала о себе… – фру Персон замотала головой, – особенно когда Карл-Эрик получил директорское место в Гётеборге. Тогда им и Фьельбака тесна стала – подавай крупный город. Но деньги никого не доводят до добра, так я тебе скажу… И если б девочка росла здесь, а не в городе, все кончилось бы не так плачевно. Они ведь как будто отправляли ее в какую-то школу в Швейцарии, а там известно какие порядки… Да, да, и такая жизнь ни для кого не проходит бесследно. Я ведь помню, какой веселой она была когда-то… да разве вы не играли вместе в детстве? Вот я и думаю, что…

Эльна все продолжала и продолжала, а Эрика судорожно подыскивала повод прервать разговор, принимавший все более неприятные формы. И ухватилась за первую подвернувшуюся возможность, лишь только фру Персон остановилась перевести дыхание.

– Рада была повидаться, но, к сожалению, мне пора. Вы же понимаете, как много мне сегодня нужно успеть.

Эрика придала лицу самое жалостливое выражение, на которое только была способна. Фру Персон должна была поверить.

– Конечно, дорогая, я об этом не подумала… увидеть такое… Ты уж прости старуху.

Эльна растрогалась так, что на глазах выступили слезы. Эрика вежливо кивнула и поспешила откланяться.

Облегченно вздохнув, она продолжила путь к «Эве», остерегаясь в дальнейшем привлекать внимание любопытных дам. Но удача явно не была на ее стороне. Один за другим участливые жители Фьельбаки спешили выразить свои соболезнования, и лишь завидя впереди родительский дом, Эрика облегченно вздохнула. Правда, одна реплика прочно засела у нее в голове. Кто-то сказал,

что вчера поздно вечером прибыли родители Алекс. Они остановились у сестры Биргит.

Эрика выложила покупки на стол. Похоже, несмотря на благие намерения, выбор между приятным и полезным был сделан в пользу первого. С другой стороны, когда еще порадовать себя, если не в такой ужасный день? Как бы в подтверждение крамольных мыслей, заурчал желудок. Эрика выложила на блюдо две сдобные булочки с корицей – верные двенадцать красных кружков по программе «Виктвэктар» [2 - «Виктвэктар» (шв. Viktv?ktar – «контролер веса») – шведская программа по снижению веса, основанная на подсчете калорий. Количество «красных кружков» пропорционально количеству калорий и степени ущерба, который продукт может нанести фигуре.] – и налила в чашку кофе.

Как ни приятно было сидеть так, любуясь знакомым видом, а тишина в доме настораживала. Эрика никак не могла к ней привыкнуть. Конечно, ей приходилось и раньше оставаться здесь одной, но это было другое. Тогда ее не покидало ощущение того, что люди здесь, рядом, и кто-нибудь из них может переступить порог в любую минуту. Теперь же словно умерла душа дома.

На подоконнике лежала отцовская трубка, будто ожидая, когда же ее наконец набьют табаком. И запах на кухне все еще висел прежний, хотя и становился слабее день ото дня. Она всегда любила запах его трубки. Маленькой сидела на коленях у отца, положив голову на его широкую грудь. Запах табака прочно засел в ее платьях, внушая чувство защищенности.

Отношения с матерью были куда более сложными. Эрика не могла припомнить ни одного случая, когда бы та обняла ее, похлопала по плечу или утешила словом. Эльси Фальк не расточала нежности попусту, зато дом держала в безукоризненном порядке. Житейские соблазны были не для нее. Глубоко религиозная, как и большинство тогдашних жителей бохусленского побережья, мать жила проповедями доктора Шартау [3 - Генрих Шартау (1757–1825) – шведский теолог и проповедник, представитель пиетизма.]. Поэтому понимала жизнь как юдоль страданий и воздаяния ждала только на небесах.

Эрика недоумевала, что отец, с его жизнелюбием и склонностью к юмору, мог найти в этой женщине, и однажды, не выдержав, задала ему этот вопрос. Он не рассердился, только опустился на стул и положил руку на плечо дочери. А потом сказал, что ей не стоит судить мать так строго. Просто некоторым людям бывает трудно выставлять напоказ свои чувства. Отец погладил ее по щеке, все еще

пылавшей от гнева, но Эрика ему не поверила, оставшись при убеждении, что мать никогда ее не любила. С этим грузом на душе она и живет до сих пор.

Тут Эрике пришло в голову нанести визит родителям Алекс. Как ни тяжело терять отца или мать, в этом есть нечто похожее на предусмотренный природой порядок. Другое дело – потерять ребенка. Что может быть ужаснее? Не говоря о том, что они с Александрой когда-то дружили. С тех пор миновала четверть века, но детские воспоминания Эрики до сих пор были неразрывно связаны с Алекс и ее семьей.

* * *

Они жили на Тальгатан, на полпути между центром Фьельбаки и кемпингом в Сэльвике. Дома здесь стояли высоко. Покрытые газонами склоны круто спускались в сторону моря. Но входная дверь дома тети и дяди Алекс располагалась на тыльной стене. Некоторое время Эрика медлила, не решаясь нажать кнопку звонка. Сигнал отозвался гулким эхом и умер. Она долго ждала и повернулась было идти обратно, когда дверь наконец медленно открылась.

– Да?

– Это Эрика Фальк. Я только…

Фраза повисла в воздухе. Эрика почувствовала себя глупо, ей не к чему было представляться. Одно время тетя Улла Персон была одной из первых активисток в местной церковной общине, поэтому время от времени захаживала к матери Эрики на чашку кофе.

Хозяйка отступила в сторону, впуская гостью в прихожую. В доме не горело ни одной лампы. Конечно, до вечера было далеко, но послеполуденные сумерки уже сгущались, удлиняя тени. В комнате напротив прихожей кто-то всхлипывал.

Эрика сняла пальто и обувь. Ей казалось, что она двигается осторожно и абсолютно бесшумно, поскольку обстановка в доме просто не допускала ничего другого. Улла скрылась на кухне, предоставив гостье пройти в комнаты. Всхлипывания стихли, лишь только Эрика переступила порог гостиной.

В креслах перед огромным панорамным окном сидели, крепко держась за руки, Биргит и Карл-Эрик Карлгрен. На лицах обоих блестели слезы, и Эрика почувствовала себя неловко, словно вторглась в чье-то личное пространство. Но отступать было поздно.

Эрика заняла кресло напротив и сложила руки на коленях. Карлгрены заговорили не сразу.

– Как она выглядела?

Голос Биргит звучал непривычно робко, почти по-детски. Эрика растерялась и не нашлась что ответить.

– Одиноко. – Это вырвалось у нее само собой, о чем Эрика тут же пожалела.

– Я имела в виду… – Давящая тишина поглотила конец фразы.

– Она не лишала себя жизни, – сказала Биргит, на этот раз твердо и как будто с вызовом.

Карл-Эрик еще крепче сжал руку жены и согласно кивнул. Должно быть, на лице Эрики появилось скептическое выражение, потому что Биргит повторила еще раз:

– Она не лишала себя жизни. Никто не знал ее лучше меня, и я говорю, что она никогда не сделала бы этого. У нее не хватило бы мужества на такой поступок. Ты тоже должна это понимать, ты ведь с ней дружила.

Последнюю фразу Биргит бросила Эрике в лицо, проговаривая по слогам. При этом она то разжимала, то снова сжимала руки и смотрела Эрике в глаза, пока та, не выдержав, не отвела взгляд. Видеть горе матери Алекс было невыносимо, и Эрика наконец огляделась.

Комната показалась ей уютной, несмотря на аляповатое, на ее вкус, убранство. Гардины с подвесками и мощными воланами гармонировали с диванными подушками, сшитыми из такой же ткани с крупным цветочным узором. И повсюду стояли безделушки: резные деревянные чаши с вышитыми крестом

декоративными ленточками и фарфоровые собаки с вечно влажным взглядом. Единственным, что спасало интерьер, было панорамное окно – точнее, открывавшийся за ним действительно чудесный вид. Эрике хотелось смотреть только туда, но вместо этого она снова повернулась к Карлгренам.

– Я не знаю, Биргит, – ответила она. – С тех пор прошло двадцать пять лет. Я ничего не могу сказать о том, какой она была. И потом, иногда люди оказываются совсем не тем, что мы о них думаем.

Эрика слышала, как неубедительно это прозвучало. Голос отозвался гулким эхом в тишине комнаты. И тут заговорил Карл-Эрик. Он стряхнул с себя руку Биргит и наклонился к Эрике, словно для того, чтобы удостовериться, что она не пропустит из сказанного им ни слова.

– Понимаю, как это сейчас прозвучит, но если б Алекс вздумала лишить себя жизни, она никогда – повторяю, никогда – не сделала бы этого таким способом. Ты ведь помнишь, как она боялась крови. Впадала в истерику от малейшей царапины, так что нужно было срочно лепить пластырь. Алекс могла потерять сознание от одного вида крови. Уверен, она выбрала бы что-нибудь другое – скажем, снотворное. Ни при каких обстоятельствах Алекс не стала бы резать себя бритвой, сначала одну, потом другую руку… Собственно, об этом только что сказала моя жена. Алекс была хрупкой, ранимой. Чтобы лишить себя жизни, нужно мужество, которого она никогда не имела.

Карл-Эрик почти кричал. Это был голос его отчаяния; тем не менее Эрика смутилась. Вспоминая события вчерашнего дня и то, как вошла в ванную, она снова и снова переживала это странное чувство. Тень, чье-то невидимое присутствие – выразиться точнее Эрика, пожалуй, не смогла бы. Кто-то толкнул Александру Вийкнер на самоубийство. При этом Эрика отдавала себе отчет, что это настойчивые уверения супругов Карлгрен разбередили ее собственные сомнения.

Ей бросилось в глаза сходство взрослой Александры с матерью. Биргит Карлгрен была маленькой и хрупкой, с такими же, как у дочери, светлыми волосами. Правда, вместо роскошной гривы Алекс она носила стрижку «паж». Биргит хорошо смотрелась в трауре благодаря контрасту черного и светлого и как будто осознавала это, несмотря на все свое горе. Ее выдавали невольные движения – рука, поправляющая прическу или приглаживающая воротник. Эрика помнила, какой сокровищницей показался когда-то ей, восьмилетней, платяной

шкаф Биргит. Не говоря уже о шкатулке с драгоценностями.

Карл-Эрик терялся рядом с женой. Не то чтобы смотрелся отталкивающе, но как-то обыденно, повседневно. У него было вытянутое лицо с правильными чертами. Ровный пробор поднимался до самого темени. Траурная одежда невыгодно оттеняла седину.

Эрика решила, что пора прощаться, и встала. Тут же поднялись и супруги Карлгрен. Биргит выжидающе посмотрела на мужа, как будто тем самым призывая его что-то сказать. Похоже, супруги о чем-то договорились накануне прихода Эрики.

– Мы хотим, чтобы ты написала об Алекс заметку для «Бохусленинген»… о ее жизни, мечтах… о ее смерти. Для нас с Биргит это очень важно.

– Но… почему вы не хотите, чтобы это сделал кто-нибудь из «Гётеборг-постен»? Я имею в виду… она ведь там жила. Да и вы сами одно время…

– Фьельбака была и навсегда останется нашим домом, – решительно возразил Карл-Эрик. – То же касается и Алекс. Можешь связаться с ее мужем Хенриком. Он в любое время к твоим услугам, мы уже с ним поговорили. Разумеется, мы компенсируем все расходы.

Тем самым Карлгрены давали понять, что аудиенция окончена. Не успев сообразить, что к чему, Эрика оказалась на лестнице с бумажкой, на которой был записан телефон и адрес Хенрика Вийкнера. Дверь за спиной захлопнулась.

С первой секунды Эрика не испытывала ни малейшего желания браться за поручение Карлгренов, но теперь вдруг усмотрела в нем вызов своему писательскому самолюбию. Это было слишком, но, как ни прогоняла Эрика крамольную мысль, та лишь настойчивее звучала в ее голове. Вот она, идея книги, которую она так долго искала. Человек, идущий навстречу своей судьбе. Что могло заставить молодую, красивую, успешную во всех отношениях женщину лишить себя жизни? Разумеется, это не только об Алекс, но это ее история будет положена в основу. До сих пор Эрика написала четыре книги, и все они были биографиями великих писательниц. Она не чувствовала в себе мужества создать собственную историю, но знала, что где-то внутри ее такая книга уже зреет и лишь ждет часа выплеснуться на бумагу. Трагедия Алекс

словно освободила ее от чего-то или же придала вдохновения, которого Эрика так долго ждала… Так или иначе, то, что Эрика знала Алекс, было большим плюсом в предстоящей работе.

Возмутительные мысли, с точки зрения любого нормального человека, но писательница в Эрике ликовала.

* * *

Кисть оставляла широкий след, красный на темном фоне. Он начал работу на рассвете и только теперь, спустя много часов, отошел на шаг полюбоваться на свое творение. Неискушенный глаз не увидел бы на полотне ничего, кроме теснящихся в беспорядке красных, оранжевых и желтых линий. Но ему эти краски кричали об оставленности и унижениях. Он всегда писал одними и теми же. Презрительный взгляд прошлого – вот что видел он, поднимая глаза на эти полотна. И продолжал писать с еще большим остервенением.

Спустя еще час он подумал о том, что заслужил утреннее пиво, и взял первую попавшуюся банку, проигнорировав тот факт, что накануне вечером стряхивал в нее пепел. Последний лип к губам, но художник жадно поглощал безвкусный напиток, пока, вылив в себя последние капли, не бросил банку на пол.

Кальсоны – единственное, что на нем было, – пожелтели от пива и мочи, и трудно сказать, чего было больше в этих высохших, неопределенного оттенка пятнах. Грязные волосы падали ниже плеч, а грудь была бледная и впалая. В общем, художник Андерс Нильсон являл собой зрелище довольно неприглядное. Зато картина, стоявшая перед ним на мольберте, свидетельствовала о большом таланте, несовместимом, казалось бы, с такой степенью падения.

Он опустился на пол напротив картины и прислонился к стене. Рядом стояла непочатая банка пива, и Андерс потянул за петельку на крышке, явно наслаждаясь хлопающим звуком. Краски кричали за его спиной, напоминая о том, чему он посвятил бо?льшую часть жизни и что потом напрочь забыл. Ну почему ей вздумалось именно сейчас все уничтожить? Почему она так и не смогла позволить всему этому просто быть? Самонадеянная шлюха, она всегда думала только о себе. Холодная и невинная, как какая-нибудь чертова принцесса. Но ему-то, как никому другому, известно, что за этим кроется. Он и она – одного поля ягоды. Они сблизились, сроднились, промучившись друг с

другом год, а теперь она решила, что может все изменить в одиночку…

Черт.

Он зарычал и швырнул еще полную банку в картину на мольберте. Холст не разорвался, что разозлило бы его еще больше, но прогнулся, и банка скользнула на пол. Пиво растеклось по полотну, оставляя красные, желтые и оранжевые подтеки. Краски смешались, образовав новые оттенки. Художник с удовлетворением наблюдал за этим эффектом.

Он был алкоголик со стажем и до сих пор не оправился после вчерашней попойки, продолжавшейся почти сутки. Пиво подействовало быстро, погружая в знакомое забытье, с крепко засевшим в ноздрях запахом блевотины.

* * *

У нее был свой ключ от квартиры. В прихожей она тщательно вытерла ноги о половик – скорее по привычке, потому что на улице было чище. Потом поставила на пол контейнеры с едой, сняла пальто и аккуратно повесила на вешалку. Он наверняка был в отключке, поэтому окликать не имело смысла.

Кухня располагалась слева и была в том же состоянии, что и обычно. Груды неделями не мытых тарелок громоздились не только в мойке, но и на столе, стульях и даже на полу. Окурки, пивные банки и пустые бутылки валялись повсюду. Холодильник был пуст, но снова наполнился, после того как она выложила туда контейнеры.

Это была тесная «однушка», где единственная комната совмещала функции гостиной и спальни. Мебель появилась здесь ее стараниями. Средств едва хватило на самое необходимое, поэтому главным предметом обстановки оставался большой мольберт возле окна. В углу валялся потрепанный матрас. Она так и не смогла позволить себе купить ему нормальную кровать.

Поначалу она помогала ему следить за собой и поддерживать порядок в квартире. Постоянно что-то подтирала, подбирала мусор с пола, стирала одежду и мыла его самого. Так было много лет тому назад. Потом она сдалась и теперь следила только за тем, чтобы он не умер с голоду.

Иногда ей хотелось сделать для него больше. Вина тяжким грузом лежала на ее плечах, сдавливала грудь. Раньше, когда она, стоя на коленях, подтирала его блевотину, это воспринималось как искупление и приносило облегчение. Но это было раньше, а теперь она несла свой крест без всякой надежды.

Он лежал возле стены, весь в нечистотах. Дурно пахнущая развалина, но за неприглядным фасадом скрывался большой талант. Сколько раз она спрашивала себя, как бы все сложилось, сделай она в тот день другой выбор. За двадцать пять лет не было ни дня, когда бы она не задавалась этим вопросом. Двадцать пять лет – достаточный срок, чтобы как следует все обдумать.

Иногда, уходя, она оставляла его валяться на полу. Но не сегодня. От стен тянуло холодом, а он лежал в одном белье. Она потянула его за руку, безжизненно лежавшую на боку, – никакой реакции. Схватив обеими руками за запястье, поволокла его к матрасу, попыталась перевернуть – и вздрогнула, коснувшись пальцами мягких кожных складок на талии. В конце концов ей все-таки удалось разместить бо?льшую часть его тела на матрасе. Одеяла не было. Она накрыла его курткой, которую принесла из прихожей, и опустилась на пол перевести дух.

Многолетний физический труд укрепил ее мышцы не хуже тренировок. Иначе откуда взяться силе в ее возрасте? Ее беспокоило только, что с ним будет, когда эта сила иссякнет.

На его лицо упала засаленная прядь, которую она убрала указательным пальцем. Жизнь пошла не так, как она рассчитывала, ни для него, ни для нее. Но она сделает все, чтобы сохранить то немногое, что им осталось.

Люди отворачивались, встретив ее на улице, но она успевала поймать в их взглядах искорку сочувствия. Андерс пользовался дурной репутацией и считался почетным членом местного «клуба алкоголиков». Он имел привычку шляться пьяным по поселку, выкрикивая неприличные слова в адрес каждого встречного и поперечного, и внушал тем самым отвращение. Она же вызывала в людях только симпатию. Хотя, по справедливости, должно было быть наоборот. Если кто из них и заслуживал участия, то это Андерс. Потому что это из-за ее слабости его жизнь пошла под откос.

Она просидела на полу несколько часов. Когда он вздрагивал в забытьи, гладила его по голове и успокаивала. Там, снаружи, жизнь шла своим чередом, но в этой комнате время остановилось.

* * *

В понедельник установилась плюсовая температура, а небо заволокли дождевые тучи. Эрика всегда была осторожным водителем, но сейчас еще больше сбавила скорость, чтобы следить за боковой ограничительной линией. Она боялась, что машину занесет.

Вообще, за рулем Эрика была не бог весть что, но ценила одиночество, поэтому предпочитала автомобиль тесноте автобусного салона или электрички.

Свернув на шоссе, Эрика прибавила скорость. Встреча с Хенриком Вийкнером назначена на двенадцать часов. Она рано выехала из Фьельбаки и имеет в запасе достаточно времени, чтобы добраться до Гётеборга.

Эрика вспомнила разговор с Анной – впервые после того, как увидела в ванной мертвую Алекс. Ей до сих пор не верилось, что сестра сможет продать дом их детства. Представить только, что было бы с родителями, узнай они об этом… Но нет ничего невозможного, если в деле замешан Лукас. Эрика и раньше знала, что его подлость не знает границ, однако на этот раз он превзошел сам себя.

В любом случае имеет смысл юридически прояснить ситуацию, прежде чем всерьез заниматься домом. А до того Эрика не даст Лукасу, со всеми его затеями, сбить себя с толку. Она должна сосредоточиться на предстоящем разговоре с супругом Алекс.

* * *

По телефону Хенрик Вийкнер произвел впечатление приятного мужчины и был в курсе ее с Карлгренами дел. Разумеется, она может подъехать и задать ему несколько вопросов об Александре, если эта статья так важна для Биргит и Карла-Эрика.

Эрике было любопытно взглянуть на дом Алекс, притом что она опасалась лишний раз сталкиваться с человеческим горем. Встреча с родителями Алекс далась ей тяжело. Как писательница, Эрика предпочла бы дистанцироваться от всего этого. Изучать действительность со стороны, холодным взглядом незаинтересованного наблюдателя. Тем более что это была ее первая возможность составить представление о личности взрослой Алекс.

Они были неразлейвода уже с первых дней школы. И Эрика страшно этим гордилась, потому что Алекс была настоящим магнитом для всех, кто оказывался в поле ее притяжения. Все хотели быть с ней, притом что сама она едва ли осознавала масштабы своей популярности. Алекс отличалась застенчивостью, но того особого рода, который свидетельствует об абсолютной уверенности в своих силах – и у детей, как это позже поняла Эрика, встречается крайне редко.

Несмотря на эту свою особенность, Алекс оставалась открытой и великодушной и совсем не оставляла впечатления стеснительной девочки. Это она выбрала Эрику в подруги. У самой Эрики ни за что не хватило бы духу первой приблизиться к ней. Они оставались неразлучны, пока Алекс не переехала и не исчезла из ее жизни навсегда. Впрочем, из жизни Эрики она уходила постепенно, пока та, запершись у себя в комнате, часами напролет оплакивала их дружбу.

Так, однажды, когда она позвонила Алекс домой, никто не взял трубку. И двадцать лет спустя Эрика во всех подробностях помнила тот день, когда узнала, что Алекс переехала. Не попрощавшись и не сказав ей ни слова! Эрика до сих пор не знала, как так вышло, и, по детской привычке, во всем винила себя, полагая, что она просто наскучила Алекс.

* * *

В Гётеборге Эрика с трудом пробиралась в направлении Сэрё. За четыре года учебы она успела основательно изучить этот город, но тогда у нее не было машины, поэтому для Эрики-водителя Гётеборг по-прежнему оставался белым пятном. На велосипеде она сориентировалась бы гораздо быстрее.

Этот город вообще был сущим кошмаром для неуверенных в себе автомобилистов, – с бесконечными односторонними дорогами, оживленными

транспортными развилками и непрекращающимся трамвайным грохотом, надвигающимся будто сразу со всех сторон. Помимо прочего, у Эрики возникло чувство, что все дороги ведут в Хисинген. Стоило свернуть не в ту сторону – и она непременно попадала туда.

Положение спасли указания Хенрика. Они оказались настолько толковыми, что Эрика вырулила на правильную дорогу с первой попытки, на этот раз благополучно миновав Хисинген.

* * *

Дом превзошел все ее ожидания – огромная белая вилла постройки начала прошлого века, с видом на море и уютной беседкой, навевавшей грезы о сказочных летних вечерах. Сад лежал окутанный снегом. Он был хорошо распланирован и требовал профессионального ухода, уже благодаря одним только впечатляющим размерам. Эрика миновала ивовую аллею и через высокие решетчатые ворота выехала на ведущую к дому гравийную дорожку. Потом по каменной лестнице поднялась к высокой дубовой двери. Звонка она не нашла, его заменял массивный дверной молоток.

Дверь открылась после первого удара. Эрика ожидала увидеть горничную в накрахмаленном белом чепчике, но на пороге стоял мужчина, который, вне всякого сомнения, и был хозяином дома. Хенрик Вийкнер выглядел на миллион, и Эрика возблагодарила Бога, надоумившего ее с утра тщательнее обычного позаботиться о наведении лоска.

Она вступила в холл, превосходивший размерами всю ее стокгольмскую квартиру.

– Эрика Фальк.

– Хенрик Вийкнер. Мы встречались летом, насколько я помню. В кафе на площади Ингрид Бергман.

– Да, в кафе Брюгган. Лето… боже мой, когда это было…

Хенрик пробормотал что-то в ответ, помог гостье снять куртку и жестом пригласил в гостиную.

Эрика опасливо устроилась на диване – судя по всему, старинном и очень недешевом – и с благодарностью приняла предложение Хенрика выпить кофе. Она наблюдала за ним, пока он возился с кофейной машиной, под продолжающийся обмен репликами по поводу погоды. Что и говорить, Хенрик Вийкнер не выглядел убитым горем. Хотя Эрика понимала, что само по себе это ничего не значит, ведь скорбь может выражаться по-разному.

Бывший супруг Алекс был одет в безупречно выглаженную рубашку от Чиноса и Ральфа Лорена. Темные, с черным блеском, волосы, уложенные в элегантном беспорядке, и карие глаза делали его похожим на южанина. Сама Эрика предпочитала мужчин попроще, но не могла не признать, что попала под обаяние этого типа, будто сошедшего со страниц модного журнала. Должно быть, они с Алекс были потрясающе красивой парой.

– У вас фантастический дом.

– Спасибо. Я – представитель четвертого поколения Вийкнеров, которое живет здесь. Его построил мой прадедушка на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков, с тех пор этот дом – наша фамильная собственность. Если б только эти стены могли говорить… – Он махнул рукой и улыбнулся.

– Здорово, должно быть, каждый день иметь перед глазами историю своего рода…

– Как вам сказать… Это ведь большая ответственность, идти по стопам отца и все такое…

Он коротко рассмеялся, а Эрика задумалась. Хенрик Вийкнер не оставляет впечатления человека, которого гнетет груз ответственности. Сама она чувствовала себя неловко в этой роскошной обстановке и все пыталась поудобней устроиться на безумно красивом и в то же время каком-то очень простом диване. В конце концов продвинулась на самый краешек и, глотнув кофе, разлитый в миниатюрные чашки «мокко», подавила дрожь в мизинце. При одном взгляде на эти чашки его хотелось оттопырить; хорошо, что вовремя опомнилась.

Еще соблазнительнее смотрелось блюдо с выпечкой, и здесь Эрика не удержалась, сдавшись на милость аппетитному сахарному печенью – верные десять красных кружочков по системе «Виктвэктар».

– Алекс любила этот дом.

Эрика судорожно соображала, как подойти к самому главному, ради чего она здесь оказалась, и была благодарна Хенрику за то, что он первым затронул тему Алекс.

– Как долго вы с ней здесь прожили?

– Ровно столько, сколько были женаты, – пятнадцать лет. Мы познакомились, когда Алекс училась в Париже. Она занималась историей искусства. Я же пытался овладеть познаниями в мировой экономике, чтобы худо-бедно двигать семейный бизнес.

Меньше всего Хенрик Вийкнер походил на человека, который может делать что-либо «худо-бедно».

– Сразу после свадьбы мы вернулись в Швецию, в этот дом. К тому времени моих родителей не было в живых, и он успел обветшать за те несколько лет, пока я жил за границей. Но Алекс сразу взялась за дело. Она хотела, чтобы все было идеально. Каждая мелочь здесь – будь то обои, мебель или ковер – либо подлинник, сохранившийся с того времени, когда дом был построен, либо приобретение Алекс. Разумеется, оригиналы она реставрировала. Остальное же… Знали бы вы, сколько антикварных магазинов она обошла, чтобы найти точно такие же вещи, какие были здесь при моем прадедушке! В ее распоряжении было множество старых фотографий, и результат оказался фантастическим. При этом она еще занималась своей галереей… ума не приложу, как она столько успевала.

– Какая она была, Алекс?

Хенрик задумался.

– Красивая, спокойная, перфекционистка до мозга костей. На сторонний взгляд, могла показаться заносчивой, но только потому, что не всех подпускала близко. Алекс была из тех, за кого нужно бороться.

Эрика понимала, что это значит. Скромная харизма Алекс стала виной тому, что она с детства слыла зазнайкой. Нередко среди тех самых девочек, которые потом чуть ли не дрались за право сидеть рядом с ней.

– Что вы имеете в виду?

Эрике хотелось услышать, как Хенрик это опишет.

Он смотрел за окно, и тут Эрика впервые почувствовала, какие бури бушуют за благополучным фасадом.

– Она всегда шла своим путем, не принимая в расчет мнения на этот счет окружающих. И не от злобы – злобе не было места в душе Алекс, – а по необходимости. Она была ранима, поэтому боялась людей. Но когда ты из страха перед врагами окружаешь себя стеной, за ней могут оказаться и друзья.

Хенрик замолчал, а потом поднял взгляд на Эрику.

– Она говорила о вас.

Эрика не могла скрыть своего изумления. Она-то думала, что бывшая подруга повернулась к ней спиной и никогда больше не вспоминала – судя по тому, как они расстались…

– Одну ее фразу я хорошо запомнил, – продолжал Хенрик. – Алекс как-то сказала, что вы были ее последней настоящей подругой. «Последняя чистая дружба» – вот ее слова. Странноватая формулировка, но к тому времени я понял, что вытягивать из Алекс объяснения бесполезно, коль скоро она сама не снизошла до них. Что-то подсказывало мне, что вы занимали особое место в сердце моей жены, несмотря на все эти годы.

– Вы ее любили?

– Больше, чем кого бы то ни было. Александра была моей жизнью. Что бы я ни делал, что бы ни говорил – все крутилось вокруг нее. Самое смешное, что она ничего этого не замечала. Подпусти она меня ближе – до сих пор была бы жива. Решение проблемы было перед самым ее носом, но она так и не решилась его принять. Трусость и мужество – две стороны одной медали, в душе моей жены они образовали довольно специфическую смесь.

– Биргит и Карл-Эрик не верят в самоубийство.

– Я знаю. По логике вещей, я тоже не должен верить, но, признаюсь честно… не могу сказать, что думаю по этому поводу. Я прожил с Алекс пятнадцать лет, но так и не узнал ее.

Его голос оставался сдержанным, даже холодным, но по изменению тона Эрика поняла, что Хенрик предпочел бы и дальше обсуждать погоду. Первое впечатление о нем оказалось более чем ошибочно. Горе Хенрика было безмерно, хотя и не так откровенно, как в случае Биргит и Карла-Эрика Карлгрен. И он оплакивал не только смерть Алекс, но вместе с ней – раз и навсегда упущенную возможность заслужить ее любовь, стать ей ближе. Последнее Эрика, как никто другой, понимала из собственного опыта.

– Чего же она боялась?

– Этот вопрос я задавал себе тысячу раз, но ответ на него не знаю. А когда пытался поговорить на эту тему с Алекс, каждый раз словно оказывался перед закрытой дверью. У нее словно была какая-то тайна, которой она не хотела ни с кем делиться. Странно звучит, правда? Но, поскольку я не знаю, что у Алекс было на душе, я не могу судить и о том, на что она была способна. Я имею в виду в том числе и самоубийство.

– Какие отношения у нее были с родителями и сестрой?

– Ну… как бы вам это объяснить… – Хенрик надолго задумался, прежде чем ответить. – Напряженные. Они как будто вечно виляли хвостами друг перед другом. Младшая сестра была единственной, кто хотя бы время от времени говорил, что думает. Юлия… Но и она была еще та штучка. У меня возникало чувство, что идет какой-то внутренний диалог за тем, что они говорят вслух. Даже не знаю, как точнее выразиться. Они как будто использовали какой-то

шифрованный язык и забыли дать мне код.

– Что вы имели в виду под «той еще штучкой»?

– Вы, конечно, знаете, что Юлия – очень поздний ребенок. Биргит родила ее далеко за сорок, причем к своему большому удивлению. И вот малышка стала чем-то вроде кукушкиного птенца в чужом гнезде. А ведь быть сестрой Алекс совсем не просто. Юлия не отличалась красотой – ни в детстве, ни позже… Как выглядела Алекс, вы знаете. Поэтому все внимание Биргит и Карла-Эрика было сфокусировано на старшей, а про младшую они нередко словно забывали. Юлия приспособилась к этому, научившись уходить в себя. Но мне она нравилась. Я-то понимал, что за неказистой внешностью есть кое-что… Надеюсь, найдется кто-нибудь, кроме меня, кто это оценит.

– Как она восприняла смерть Алекс? Как они вообще ладили друг с другом?

– Об этом лучше спросить Биргит и Карла-Эрика. Я не видел Юлию вот уже больше полугода. Она училась на педагога в Умео и очень неохотно приезжала домой. Даже на Рождество ее не было с родителями. Что касается отношения к Алекс, то Юлия боготворила старшую сестру. Алекс училась в пансионе, когда Юлия родилась, поэтому в детстве они виделись не так часто. Но позже, когда мы наведывались к Кальгренам, Юлия ходила за ней по пятам, как комнатная собачка. Алекс как будто не было до этого дела. Изредка она раздражалась, могла даже шикнуть на сестру. Но чаще просто ее игнорировала.

Эрика почувствовала, что беседа подходит к концу. В паузах между репликами она будто проваливалась в гробовую тишину огромного дома и чувствовала одиночество Хенрика Вийкнера особенно остро.

Эрика поднялась и протянула Хенрику ладонь, которую он взял обеими руками, задержал на несколько секунд и только потом отпустил.

– Мне хотелось бы посмотреть галерею, – сказала она.

– Хорошая идея. Это – детище Алекс, которым она очень гордилась. Она создала эту галерею с нуля, вместе с подругой, с которой училась в Париже, Франсин Бижу… правда, теперь она Сандберг. Мы общаемся, хотя и несколько реже с тех пор, как у нее появился ребенок. Сейчас Франсин, конечно, в галерее; я

предупрежу ее… расскажу, кто вы, и она, конечно, тоже расскажет вам об Алекс.

Хенрик придержал дверь, и Эрика, бросив последнее «спасибо» в спину бывшего супруга Алекс, пошла к машине.

* * *

Когда она выходила из машины, небеса разверзлись. Галерея располагалась на Чальмерсгатан, параллельно Авенюн, но после получасового кружения по переулкам Эрика решила припарковаться на Хеден. Совсем недалеко, хотя под проливным дождем и какая-нибудь пара метров растянется на целую милю. Помимо прочего, парковка стоила двенадцать крон в час, и настроение Эрики сразу упало. Зонтик она с собой, конечно, не взяла, поэтому вьющиеся волосы быстро стали похожи на неудавшийся домашний перманент.

Эрика перебежала Авенюн под самым носом трамвая, прогрохотавшего в сторону Мёльдаля. Потом пробежала мимо «Валанда», памятного шумными пирушками времен студенческой юности, и повернула налево, на Чальмерсгатан.

Галерея «Абстракт» была по левую сторону, о чем недвусмысленно объявляла огромная витрина. Эрика нажала звонок и вошла в салон, оказавшийся несколько больше того, что можно было ожидать, глядя с улицы. Стены, пол и потолок были выкрашены белым, благодаря чему полотна на стенах сразу бросались в глаза.

Женщина, которую Эрика увидела в дальнем конце зала, определенно была француженкой. Жестикулируя с истинно парижской грацией, она обсуждала с посетителем какую-то картину.

– Я скоро объявлюсь, была рада увидеться, – закончила она с неподражаемым акцентом.

Эрика заложила руки за спину и прошлась по залу, разглядывая вывешенные полотна. Как того можно было ожидать из названия галереи, все они были в абстракционистском стиле: кубы, круги, решетки и другие странные фигуры… Эрика склонила голову набок и сощурила глаза. Что такого хотели сказать этим

художники и почему это ускользало от ее понимания? Во всяком случае, она ничего здесь не видела, кроме немудреных фигур, какие изобразил бы любой пятилетний малыш. Но искусство надо уважать, даже если оно остается за гранью твоего понимания.

Эрика остановилась перед огромным красно-желтым полотном, когда услышала за спиной стук каблуков, цокающих по полу в шахматную клетку.

– Здорово, не правда ли?

– Да, да… очень интересно. Хотя, честно говоря, в живописи я понимаю не так много. Мне нравятся «Подсолнухи» Ван Гога… дальше, признаюсь, я не продвинулась.

Франсин улыбнулась:

– Вы, наверное, Эрика. Анри только что звонил и предупредил, что вы скоро подъедете.

Она протянула изящную руку, которую Эрика пожала, еще не успев понять, что сказала ей Франсин.

Миниатюрная дама буквально источала ту элегантность, на которую каждая француженка, похоже, имеет патент с рождения. Эрика, при своих ста семидесяти пяти сантиметрах без каблуков, чувствовала себя рядом с ней неуклюжей великаншей. Франсин была в облегающем черном костюме. Волосы цвета воронова крыла были зачесаны назад и собраны на затылке. При этом она не производила впечатления женщины, которая любит рядиться в черное; Эрике было бы легче представить ее в ярко-желтом или кричаще-красном. Похоже, Франсин носила траур. Неброский, идеально лежащий макияж не мог скрыть красноты под глазами. Эрика невольно озадачилась тем, не потекла ли ее косметика, и понадеялась на лучшее.

– Думаю, нам лучше уединиться и поговорить за чашкой кофе. Сегодня на редкость спокойный день. Прошу сюда…

Франсин провела гостью в тесную комнатку позади галереи, заставленную холодильниками, микроволновками, кофеварками и тому подобной техникой. Столик был маленький, рассчитанный не больше чем на два стула, на один из которых опустилась Эрика. Хозяйка галереи тут же поставила перед ней дымящуюся чашку. Желудок протестовал после кофе, выпитого у Хенрика, но Эрика знала по опыту многочисленных интервью, из которых брала материал для своих книг, что по какой-то непостижимой причине человека легче разговорить за чашкой кофе, чем без нее.

– Если я правильно поняла Анри, – начала Франсин, – родители Алекс попросили вас написать что-то вроде некролога.

– Все верно, – подтвердила Эрика. – Последние двадцать пять лет мы с Алекс не встречались, и мне хотелось бы знать о ней больше, прежде чем браться за эту тему.

– Вы журналистка?

– Писательница. Пишу биографии. Я не взялась бы за это, если б не Биргит и Карл-Эрик. Кроме того, это я обнаружила ее мертвой… ну, или почти так… и поэтому теперь должна взяться за это, чтобы составить другое представление о взрослой Алекс… О живой Алекс, как бы странно это ни звучало.

– Ничего странного, – Франсин пожала плечами. – Думаю, это здорово, что вы решились взяться за это ради родителей Алекс и… ее самой.

Она перегнулась через стол и взяла руку Эрики в свою, с безупречным маникюром. Эрика почувствовала, что залилась краской, и отогнала мысль о биографии Сельмы Лагерлёф, над которой работала большую часть вчерашнего дня. Франсин продолжала:

– Анри просил меня быть с вами откровенной, насколько это возможно.

Ее шведский был неподражаем, особенно мягко рокочущее «р». И Хенрика она называла на французский манер – «Анри».

– Вы с Алекс познакомились в Париже? – спросила Эрика.

– Да, мы вместе изучали историю искусства. Сошлись буквально с первых дней. Она выглядела потерянной, я чувствовала себя потерянной… Все остальное – история, как говорится.

– Как долго вы были знакомы?

– Ну… если осенью Анри и Алекс отмечали пятнадцатую годовщину свадьбы, стало быть, выходит… семнадцать лет. Из них пятнадцать вместе занимались этой галереей.

Она замолчала и, к большому удивлению Эрики, достала сигарету. По какой-то причине Эрика не могла представить себе эту даму курящей. Зажигалка в ее руке дрожала. Франсин глубоко затянулась, не обращая внимания на собеседницу.

– Она пролежала в этой ванне не меньше недели, – продолжала Эрика. – Разве вам не было интересно, куда она пропала?

Тут Эрика удивилась, как ей не пришло в голову задать этот вопрос Хенрику.

– Нет, как бы странно это ни звучало, – ответила Франсин. – Алекс… она всегда делала что хотела. Печально, но я успела привыкнуть к этому. Не раз случалось, что она исчезала на несколько дней, а потом объявлялась как ни в чем не бывало… Вот и сейчас я с минуты на минуту жду, что откроется дверь и… хотя и знаю, что на этот раз ничего подобного не произойдет.

Ее глаза влажно блеснули. Эрика опустила голову, предоставив Франсин возможность промокнуть слезу.

– Как реагировал Хенрик, когда она исчезала?

– Ну, вы же с ним встречались. Все, что делала Алекс, было для него вне критики. Последние пятнадцать лет своей жизни Анри только тем и занимался, что боготворил ее. Бедняга Анри…

– Почему «бедняга»?

– Алекс никогда его не любила. Рано или поздно он понял бы это.

Первая сигарета была выкурена, и Франсин достала следующую.

– За столько лет вы должны были хорошо изучить друг друга…

– Не думаю, что Алекс можно было изучить, но я знала ее лучше, чем Анри. Он так и не решился снять свои розовые очки.

– Хенрик сказал, будто Алекс скрывала от него какую-то тайну… так ему казалось, по крайней мере. Это правда, как вы думаете, и если да, что бы это могло быть?

– Небывалая проницательность для Анри. Похоже, я его недооценивала, – Франсин подняла бровь идеальной формы. – На первый вопрос отвечу утвердительно. Да, я тоже всегда чувствовала, что у Алекс есть тайна. А вот на второй… – Она вздохнула. – Нет, я не имею ни малейшего представления о том, что бы это могло быть. Несмотря на многолетнюю дружбу, был уголок, куда она меня не пускала. И каждый раз, когда я подходила к невидимой черте, Алекс подавала сигнал: «Стоп! Дальше нельзя». Я принимала это, Анри – нет. Рано или поздно это его сломало бы. Скорее рано, чем поздно, думаю…

– Почему?

Франсин смутилась.

– Ведь будет вскрытие, так?

Вопрос застал Эрику врасплох.

– Да, обычно бывает. А почему вы спрашиваете?

Она тщательно погасила сигарету в пепельнице. Эрика затаила дыхание, но Франсин как ни в чем не бывало достала зажигалку. Третья подряд. На ее пальцах не было характерных желтых пятен, поэтому Эрика подумала, что подобное курение «взахлеб» не свойственно Франсин в обычном состоянии.

– Вы, конечно, знаете, что последние полгода Алекс наезжала во Фьельбаку чаще, чем раньше?

– Да, сарафанное радио работает у нас бесперебойно. Судя по слухам, последнее время она бывала во Фьельбаке чуть ли не каждые выходные. Одна.

– Одна? Как сказать…

Франсин снова задумалась, так что Эрика подавила в себе желание перегнуться через стол и встряхнуть ее как следует. Похоже, галеристка остановилась на самом интересном месте.

– Она с кем-то встречалась. С мужчиной, я имею в виду. Да, Алекс не первый раз заводила роман на стороне, но у меня возникло чувство, что на этот раз это было нечто особенное. Впервые за время нашего знакомства она выглядела счастливой. Именно это мешает мне поверить в то, что Алекс лишила себя жизни. Ее убили, я почти не сомневаюсь в этом.

– Но откуда такая уверенность? Даже Хенрик не смог сказать об этом ничего определенного.

– Алекс была беременна.

Лицо Эрики вытянулось.

– И что Хенрик? Он знал об этом?

Франсин покачала головой:

– В любом случае это был не его ребенок. Они уже много лет не жили друг с другом в этом смысле. Да и когда жили, Алекс отказывалась иметь ребенка от Хенрика, несмотря на все его просьбы. Нет, отцом ребенка стал новый мужчина в жизни Алекс, кто бы он ни был.

– Вам она ничего о нем не говорила?

– Нет. Как вы уже, наверное, поняли, это была закрытая тема. Признаюсь, я очень удивилась, когда она рассказала мне о ребенке, и само по себе это – еще один повод оспорить версию самоубийства. Алекс была так счастлива, что просто не смогла держать язык за зубами. Она любила этого ребенка и просто не могла причинить ему зло, тем более лишить жизни. Впервые я увидела, как выглядит счастливая Александра. И такой она понравилась мне еще больше.

В голосе Франсин послышались грустные нотки.

– Понимаете, у меня возникло чувство, будто это как-то связано с ее прошлым. Не могу сказать, с чем именно, но… оговорки, случайные намеки – многое указывало на это.

Дверь в галерею открылась. Кто-то топал на пороге, стряхивая с обуви налипший снег. Франсин встала.

– Это клиент, я должна им заняться. Надеюсь, хоть чем-то помогла вам.

Они направились к входной двери, где Франсин заверила клиента, что немедленно им займется. А потом подошла к Эрике, стоявшей перед полотном с огромным белым квадратом на голубом фоне, и пожала ей руку.

– Чисто из любопытства, – Эрика кивнула на полотно, – сколько это может стоить? Пять тысяч? Десять?

Франсин улыбнулась:

– Скорее пятьдесят.

Эрика чуть слышно присвистнула.

– Живопись и дорогие вина – две области за пределами моего понимания.

– А мне дается с трудом составить список покупок… Как видите, каждый из нас специалист в чем-то своем.

Они рассмеялись. Эрика поплотней завернулась в мокрое пальто и вышла на улицу.

* * *

Дождь превратил снег в грязную, промозглую жижу, и Эрика, опасаясь заноса машины, некоторое время двигалась на допустимой скорости. Очередная попытка выбраться из Хисингена стоила еще полчаса потраченного попусту времени, после чего Эрика обнаружила себя в окрестностях Уддевалы.

Желудок заурчал, напоминая, что с утра во рту не было маковой росинки. Эрика свернула на E6, к торговому центру «Торп» к северу от Уддевалы, подъехала к «Макдоналдсу», затолкала в себя пару чизбургеров и спустя несколько минут снова оказалась на шоссе. Мысли крутились вокруг разговора с Хенриком и Франсин. По их словам, Александра жила за стеной, которую воздвигла между собой и внешним миром.

Но кто же был отец ее ребенка – вот что теперь мучило Эрику больше всего. Франсин утверждала, что это не Хенрик, но Эрика допускала что угодно. Никто не может знать, что творится за дверью чужой спальни. В случае если Франсин все-таки права, вопрос сводился к тому, встречалась ли Алекс с этим человеком на выходных во Фьельбаке или же их роман разворачивался в Гётеборге.

У Эрики вообще складывалось впечатление, что жизнь Алекс протекала в некоем параллельном мире. Она делала что хотела, не задумываясь о том, как это отразится на окружающих, прежде всего на Хенрике. Франсин как будто не могла взять в толк, как Хенрик мог решиться на брак с такой женщиной, и, похоже, даже презирала его за это. Что касается самой Эрики, она по собственному опыту знала, как работают подобные механизмы. Пример Анны и Лукаса всегда был у нее перед глазами.

Но была еще одна причина, по которой Эрика принимала проблему Анны так близко к сердцу. Она не могла избавиться от мысли, что в неспособности сестры изменить жизненную ситуацию есть и ее, Эрики, доля вины. Ей было пять лет, когда родилась Анна, и уже тогда Эрика решила защитить сестру от того, что было главной болью ее собственной жизни. Анна не должна была чувствовать себя одинокой и отверженной только потому, что у благочестивой Эльси не хватало любви на дочерей. Поцелуи, объятия и нежные слова, которые Анна

недополучала от матери, Эрика расточала на нее в избытке. И опекала младшую сестренку с истинно материнской нежностью.

Любить Анну было просто. Эта малышка умела наслаждаться каждым моментом жизни, в которой будто не видела неприятных сторон. Мудрую не по годам Эрику восхищала эта непосредственность. Заботу старшей сестры Анна принимала как должное, даже если из-за своей нетерпеливости не могла и пяти минут усидеть у нее на коленях.

При этом она росла своенравным, эгоистичным ребенком и делала только то, что хотела, не принимая в расчет ничьих интересов, кроме собственных. И рассудительная Эрика осознавала, что балует сестру чрезмерной опекой. Которой всего лишь компенсировала ей то, чего не имела сама.

Для Лукаса Анна стала легкой добычей. Она быстро очаровалась им, не задумываясь над тем, что кроется за эффектным фасадом. И Лукас, играя на ее тщеславии, постепенно высосал из нее жизненные соки. И теперь Анна томилась, как птица в клетке, в своем Верхнем Эстермальме и даже не находила в себе сил осознать свою ошибку. Эрика все надеялась, что сестра опомнится и первой попросит ее о помощи. Но до того момента ей оставалось только ждать и всегда быть наготове.

Не то чтобы сама Эрика так уж преуспела на личном фронте. Мало кто мог похвастать таким количеством разорванных связей и несостоявшихся романов. И в большинстве случаев инициатором разрыва была Эрика. Как будто что-то переключалось у нее внутри каждый раз, не позволяя «отношениям» заходить слишком далеко. Это походило на панический страх, настолько сильный, что Эрика тут же собирала вещи и уходила от очередного мужчины не оглядываясь. При этом она, сколько себя помнила, страдала от отсутствия семьи и детей. Ей было тридцать пять лет – часы неумолимо тикали…

Эрика выругалась. С утра она дала себе слово не вспоминать о Лукасе – и вот пожалуйста. Но что толку закрывать глаза на проблему? Для начала следует прояснить, насколько уязвима ее позиция. Но Эрика слишком устала, чтобы заниматься этим сейчас. Отложив дела на завтра, она решила посвятить остаток дня отдыху и не думать ни о Лукасе, ни об Александре Вийкнер.

Она выбрала в мобильнике номер.

– Привет, это Эрика. Вы дома сегодня вечером? Думала заглянуть…

Дан рассмеялся:

– Дома ли мы… да знаешь ли ты, что будет сегодня?

Мысль лихорадочно заработала. Но, как ни напрягалась, Эрика не могла припомнить, что же такого ожидается вечером. Как будто никакого праздника, ни дня рождения… Юбилей свадьбы? Но Дан и Пернилла поженились летом, а значит…

– Сдаюсь, просвети меня.

В трубке послышался тяжкий вздох, и тут Эрика поняла, что важное событие наверняка связано со спортом. Дан был заядлый болельщик, и это, насколько могла судить Эрика, нередко становилось причиной их с Перниллой размолвок. В свое время Эрика сумела разработать свою стратегию поведения, позволяющую выдерживать многочасовые спортивные программы в его компании.

Дан был фанатом «Юргордена» – Эрика же выбрала себе «АИК». Собственно, спорт, в особенности хоккей, интересовал ее в последнюю очередь, но это-то и раздражало Дана больше всего. Когда «АИК» проигрывал, а Эрике не было до этого никакого дела, он распалялся до белого каления.

– Швеция против Белоруссии! – Снова вздох. – Олимпиада, Эрика… Ты вообще понимаешь, что это такое?

– То есть ты имеешь в виду матч… Конечно, Дан, я в курсе. Я думала, речь о чем-то другом…

Эрика подтрунивала, и Дан это чувствовал. Он прекрасно знал, что она лжет и что на самом деле впервые слышит о матче. В его представлении спорт не был темой для шуток, и сейчас Дан слова не мог вымолвить от ярости. Такое богохульство просто не укладывалось у него в голове.

– В любом случае я могу подъехать. Полюбуемся вместе, как Сальминг сокрушит русских.

– Сальминг?! – Дан едва не захлебнулся от возмущения. – Ты шутишь? Сальминг кончился много лет тому назад…

– Конечно, конечно, Дан… Шучу. Если я и спятила, то не до такой же степени… Ну хорошо, полюбуемся, как Сундин сокрушит русских, если так тебе больше нравится. В конце концов, он чертовски симпатичный парень.

Снова тяжкий вздох. На этот раз оттого, что она осмелилась рассуждать о хоккеисте в крайне не спортивном ключе.

– Ну хорошо, подъезжай. Только учти, я не потерплю того, что было в прошлый раз! Никаких глупостей во время матча, никакой болтовни насчет «сексуальности» ножной защиты или того, что хоккеисты надевают «ракушки» для защиты паха и кальсоны поверх всего… Это понятно?

– Не буду, Дан. Даю честное скаутское слово.

– Разве ты была скаутом? – недоверчиво переспросил он.

– Конечно, не была.

И Эрика завершила разговор.

* * *

Дан и Пернилла жили в относительно новом таунхаусе в Фалькелидене. Дома здесь стояли ровными рядами, взбираясь по холму Рабекюлен, так что трудно было отличить один от другого. Далековато от моря, зато цены на жилье не кусались, как в прибрежных районах. Поэтому Фалькелиден пользовался популярностью среди семей с детьми.

Машина запротестовала, когда Эрика попыталась направить ее вверх по крутому, присыпанному песком холму. Для пешей прогулки было холодновато, и Эрика вздохнула с облегчением, свернув наконец на улицу Дана и Перниллы.

Звонок в дверь отозвался изнутри оживленным топотом маленьких ног, и секунду спустя на пороге появилась девочка в ночной сорочке до пят – Лисен, младшая дочь Дана и Перниллы Карлсон. Тут же завопила Малин, средняя дочь, возмущенная тем, что сестра лишила ее удовольствия встретить гостью первой. Из кухни раздался угрожающий голос Перниллы – и крики стихли. Старшей сестре, Белинде, было тринадцать. Проезжая площадь, Эрика видела ее возле сосисочного киоска в окружении мальчиков на мопедах. Родителям стоило больших усилий держать Белинду в рамках дозволенного.

Получив положенную порцию объятий и поцелуев, девочки исчезли так же внезапно, как и появились.

Раскрасневшаяся Пернилла хлопотала на кухне. «Поцелуй повара» – было написано на ее переднике крупными буквами. Она была так погружена в работу, что только кивнула в сторону Эрики, и снова повернулась к сковородкам и кастрюлям, в которых что-то булькало и шипело. Эрика прошла в гостиную. Дан развалился на диване, закинув ноги на стеклянный столик. Пульт от телевизора словно въелся в его правую руку.

– Привет! Прохлаждаешься, пока жена истекает потом на кухне?

– Привет. Дело мужчины – железной рукой направлять семейный корабль… Да разве еще указать, где должен стоять шкаф.

Улыбка обращала сказанное в шутку. Но Эрика и без того знала, что у руля семейного корабля Карлсонов стоит кто угодно, только не Дан.

Она коротко обняла старого приятеля, плюхнулась рядом, погрузившись в черные кожаные подушки, и тоже положила ноги на стеклянный столик. Пока они в тишине смотрели новости четвертого канала, Эрика думала о том, что именно так и могла бы протекать их совместная семейная жизнь.

Дан был ее первой любовью и первым мальчиком. Все три года обучения в гимназии они были неразлучны, вот только планы на жизнь имели разные. Дан хотел остаться во Фьельбаке и работать на рыболовецком судне, как его отец и дед, а Эрике не терпелось уехать из поселка, где она словно задыхалась. Одно время они пытались жить вместе в Гётеборге, но все кончилось болезненным разрывом. Зато со временем получилось стать друзьями, и в этом качестве Эрика

и Дан хорошо сблизились за пятнадцать лет.

Пернилла вошла в жизнь Дана, когда тот отчаянно пытался смириться с мыслью, что у них с Эрикой нет будущего. В нужный момент она всегда оказывалась рядом и боготворила его, заполняя тем самым пустоту, которую оставила после себя Эрика. Как ни было больно видеть Дана с другой, Эрика смирилась с неизбежностью такого поворота событий. Жизнь шла своим чередом.

Теперь у Дана и Перниллы было три дочери. У них все получилось. Так по крайней мере казалось Эрике, несмотря на беспокойство, которое она иногда замечала в глазах Дана.

Их дружба не нравилась Пернилле, особенно поначалу. Но когда со временем Эрика сумела убедить ее, что и не думает покушаться на ее мужа, отношения выровнялись, даже если лучшими подругами они с Перниллой так и не стали. Не последнюю роль здесь сыграли девочки, которые очень любили Эрику. Для Лисен она стала даже крестной матерью.

– Прошу к столу.

Эрика и Дан дружно поднялись с дивана и пошли на кухню, где Пернилла ставила на стол дымящийся чугунок. Увидев только две тарелки, Дан удивленно поднял бровь.

– Я поем с детьми. Прослежу, чтобы вовремя легли.

Эрике стало стыдно. Меньше всего она хотела причинять Пернилле лишние хлопоты. Но Дан пожал плечами и как ни в чем не бывало наложил себе огромную порцию сочного рыбного жаркого.

– Как ты? Мы ничего не слышали о тебе много недель.

Тон был скорее озабоченный, чем обвиняющий, но Эрика почувствовала себя виноватой оттого, что так долго не давала о себе знать. Столько всего навалилось на нее за это время…

– Помаленьку, – ответила она. – Похоже, назревает конфликт из-за дома.

– Правда? – Дан поднял удивленные глаза от тарелки. – И ты, и Анна, вы обе любите так этот дом – и не можете прийти к согласию?

– Мы можем, – вздохнула Эрика, – но ты забыл про Лукаса. Он почуял деньги и теперь не упустит свой шанс. До сих пор он ничем не смущался ради достижения своей цели, и я не вижу причин думать, что на этот раз будет иначе.

– Черт… Поймаю я этого Лукаса в темном переулке – сразу станет сговорчивее.

Дан стукнул кулаком по столу, и Эрика тут же поверила, что он и в самом деле сможет призвать Лукаса к порядку. Уже подростком Дан был крепким, а годы на рыболовецком судне закалили его еще больше. Но добрый взгляд напрочь опровергал его решительность. Дан в жизни не поднял руки ни на одно живое существо, в этом Эрика не сомневалась.

– Собственно, это разговор ни о чем, – продолжала она. – Я не знаю своих прав. Завтра позвоню подруге-адвокату и наведу ясность в том, как можно помешать продаже дома. А сегодня вечером не хочу и думать об этом. Кроме того, за последние дни произошло еще кое-что, по сравнению с чем все эти имущественные вопросы – досадные мелочи.

– Да, я слышал о том, что произошло. – Дан замолчал. – Увидеть такое…

– Ужасно, – Эрика кивнула. – Надеюсь, это в первый и последний раз.

Она рассказала о статье, которую собирается писать, и о недавних встречах с мужем и коллегой Александры. Дан молча слушал.

– Зачем она отгородилась от самых близких людей – вот чего я не понимаю. Муж любил ее, ты бы тоже это понял. С другой стороны, такое часто бывает с людьми. Снаружи тишь да гладь, а как приглядишься…

– Слушай, – оборвал ее Дан, – матч начнется через три секунды, так что давай закругляйся со своей квазифилософией.

– Как скажешь. Кстати, я прихватила с собой книгу, на случай если игра будет скучной.

Взгляд Дана потемнел, а в глазах Эрики зажглись озорные огоньки.

Они вошли в гостиную в тот момент, когда вбрасывали шайбу.

* * *

Марианна ответила после первого сигнала.

– Марианна Сван.

– Привет, это Эрика.

– Боже, сколько лет, сколько зим… Рада тебя слышать. Как жизнь? Я так часто вспоминала тебя…

И снова Эрике подумалось о том, что в последнее время она не слишком баловала друзей своим вниманием. Знала, что за нее беспокоятся, но разговоров с Анной хватало с лихвой. Оставалось надеяться на понимание.

С Марианной они дружили с времен студенческой юности. Вместе изучали литературу, но на четвертом курсе Марианна вдруг изменила своей мечте стать библиотекарем и перевелась на юридический. В итоге выросла в успешного совладельца одного из самых уважаемых в Гётеборге адвокатских бюро.

– Жизнь? – переспросила Эрика. – Да так, ничего, с учетом сложившихся обстоятельств. Все как будто налаживается, хотя и проблем, конечно, немало.

Марианна была не из тех, кто любит болтать попусту, и сейчас безошибочным чутьем уловила, что подруга побеспокоила ее не просто так, а по делу.

– Что я могу для тебя сделать, Эрика? И не вздумай притворяться, я ведь все слышу.

– Да… Просто мне стыдно… Получается, я звоню тебе, только когда мне что-то нужно.

– Ах, оставь, пожалуйста… Чем я могу тебе помочь? Это касается наследства, да?

– Ты угадала.

Эрика потрогала пальцами письмо, которое получила с утренней почтой.

– Анна – вернее, Лукас – хочет продать дом.

– Что ты такое говоришь? – взорвалась обычно спокойная Марианна. – Что он о себе возомнил, в конце концов?! Вы же так любите этот дом!

Тут внутри Эрики будто что-то щелкнуло, и она ударилась в слезы. Марианна сразу стихла. Весь ее гнев обратился в сострадание, которое Эрика почувствовала без всяких слов.

– Да что с тобой? – воскликнула Марианна. – Может, мне подъехать? Буду у тебя сегодня вечером.

Слезы хлынули потоком, но спустя некоторое время Эрика успокоилась и промокнула глаза платком.

– Очень мило с твоей стороны, но всё в порядке, правда. Просто слишком много всего навалилось в последнее время. Сначала я разбиралась с папиными и маминими вещами, потом – книга и проблемы с издательством… этот дом… наконец, в пятницу я обнаружила лучшую подругу детства мертвой в замерзшем доме.

В груди заклокотал истерический хохот, хотя глаза все еще были мокры от слез. На этот раз успокоиться быстро не получилось.

– Мертвой, я не ослышалась?

– Ты все расслышала правильно, как это ни печально. Прости за мой ужасный смех, просто это действительно слишком. Александра Вийкнер, моя лучшая подруга, покончила с собой в ванной родительского дома во Фьельбаке. Да ты тоже наверняка ее знала. Она и ее бывший супруг, Хенрик Вийкнер, – люди

высшего света. Это ведь с такими ты теперь имеешь дело?

Эрика улыбнулась и почувствовала, что Марианна сделала то же самое. Одно время в студенческие годы она жила в Майорне, где боролась за права рабочего класса. Эрика знала, чего стоило подруге влиться в общество, тесные контакты с которым предусматривала работа в престижном адвокатском бюро. Сейчас Марианна носила шикарные костюмы с блузами, которые завязываются узлом, и коктейльные платья, какие любят в Эргрюте [4 - Эргрюте, Майорна – округи Гётеборга.]. Разумеется, это была не более чем маска, внешняя оболочка, под которой скрывалась прежняя бунтарка.

– Хенрик Вийкнер? Лично не знакомы, но я слышала о нем. У нас даже имеются кое-какие общие знакомые. Говорят, беспринципный тип. Из тех, кто перед завтраком может уволить сотню человек, не испортив себе аппетита. Его супруга как будто держала бутик?

– Галерею. Абстрактное искусство.

То, что Марианна сказала о Хенрике, удивило Эрику. Не то чтобы она видела людей насквозь, но Хенрик не произвел на нее впечатления безжалостного дельца. Оставив тему Алекс, Эрика перешла к тому, ради чего звонила.

– Сегодня я получила письмо от адвоката Лукаса. Они приглашают меня встретиться с ними в Стокгольме. Речь идет о продаже родительского дома, и я хотела бы знать, на что могу опереться юридически. Каковы мои права, если они, конечно, вообще есть? Может ли Лукас действительно сделать это?

Эрика почувствовала дрожь в нижней губе, глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и посмотрела за окно. На поверхности залива после нескольких дождливых дней снова лежал лед. К окну подлетел воробей, и Эрика вспомнила, что собиралась купить сальный шарик для птиц. Воробей повертел головой, постучал в стекло и, убедившись, что здесь ему ничего не перепадет, улетел прочь.

– Ну ты же знаешь, – ответила Марианна, – что я налоговый адвокат, а не семейный. Значит, сделаем так… Я поговорю с экспертами из нашего бюро и перезвоню тебе. Ты не одна, Эрика. Мы обязательно поможем тебе, обещаю.

Ощущения беспомощности как не бывало. Эрика засела было за работу над биографией, но ничего не получилось. Книга не была готова и наполовину, а издателям не терпелось увидеть первый черновой вариант. Эрика настрочила две страницы формата А4, перечитала и стерла – несколько часов работы насмарку. Она давно не чувствовала желания заниматься этой биографией. Вместо этого дописала статью об Александре и вложила в конверт с адресом редакции «Бохусленингена». Всё, теперь можно звонить Дану. Самое время разбередить душевную рану, нанесенную вчерашним разгромным поражением шведской сборной.

* * *

Комиссар Мелльберг похлопал себя по большому животу. Не прилечь ли отдохнуть на часок? Работы все равно не было, разве мелочь, которой он не придавал серьезного значения. Плотно пообедав, самое время вздремнуть, чтобы дать пище спокойно перевариться. Но не успел комиссар сомкнуть глаз, как в дверь постучали, и на пороге кабинета появилась секретарь полицейского участка Анника Янсон.

– Какого черта! – возмутился Мелльберг. – Разве не видно, что я занят?

Пытаясь изобразить занятость, комиссар принялся рыться в бумагах, кучами наваленных на столе. В результате опрокинул чашку с кофе, который принялся вытирать первым, что попалось под руку, – рубахой, так редко видевшей изнаночную сторону брюк.

– Черт подери! – распалялся комиссар. – В конце концов, кто здесь начальник? Или вас не учили стучаться перед тем, как войти, хотя бы из уважения к шефу?

Собственно, Анника так и сделала, но оправдываться посчитала лишним. Умудренная опытом, она молча ждала, когда утихнет буря.

– У вас ко мне дело, полагаю? – прошипел комиссар.

– Звонили из Гётеборга, отделение судмедэкспертизы, – холодно объявила Анника. – Вас разыскивал патологоанатом Торд Педерсен. Можете перезвонить ему по этому номеру.

Она протянула комиссару бумажку с аккуратно записанным номером телефона.

– Он не сказал, что ему от меня нужно?

Мелльберг оживился. Перед ним замаячила перспектива настоящей полицейской работы – в кое-то веки. Не так часто судмедэксперты звонили в эту контору. Комиссар махнул Аннике, чтобы убиралась прочь, прижал трубку подбородком к плечу и стал набирать записанный на бумажке номер.

Секретарша вышла, пятясь, и тщательно закрыла за собой дверь. Опустившись на стул в своем кабинете, она вот уже в который раз прокляла тот день, когда Мелльберг был переведен к ним, в Танумсхеде. По слухам, он довел начальство в Гётеборге, немилосердно отделав содержащегося под арестом беженца. И это был не единственный проступок комиссара Мелльберга, хотя и самый значительный. Вышестоящие решили, что с них довольно. Внутреннее расследование ничего не доказало, тем не менее Мелльберга немедленно перевели комиссаром в Танумсхеде – тихую коммуну с двенадцатью тысячами жителей, каждый из которых должен был стать для Мелльберга живым напоминанием о его падении. Шеф в Гётеборге опасался более серьезных проблем, и действительно, в Танумсхеде Мелльберг присмирел. Пользы от него здесь, правда, тоже было немного.

Если Анника Янсон когда и получала удовольствие от своей работы, то с приходом нового комиссара это закончилось. И дело было не только в его бесцеремонности. Анника с первого взгляда угадала в Мелльберге дамского угодника и неоднократно имела случай убедиться, что интуиция ее не подвела. Но вечные намеки, экивоки, щипки и двусмысленные комментарии были лишь малой частью того, что приходилось терпеть несчастной секретарше. Самым ужасным, по ее мнению, была прическа нового шефа. Мелльберг отращивал до неприличия волосы на висках и затылке, но только для того, чтобы прикрывать ими лысину на темени. О том, как они выглядят в распущенном состоянии, можно было только строить догадки. Слава богу, Мелльберг никогда не появлялся перед подчиненными в таком виде.

Так чего же все-таки хотел судмедэксперт? Этот вопрос мучил Аннику не меньше, чем комиссара. Все прояснится в свое время. Слухи по небольшому полицейскому участку распространялись мгновенно.

* * *

В трубке пошли сигналы. Комиссар не спускал глаз с пятящейся к двери Анники. Все-таки красивая женщина – стройная, и все, что надо, на месте. Длинные светлые волосы, высокая грудь, круглый зад. Вот только к чему такие длинные юбки и просторные блузы? Может, стоит намекнуть, что обтягивающий костюм был бы на работе уместнее? Как шеф, он даже обязан следить за внешним видом подчиненных.

Тридцать семь лет, он смотрел ее документы. Это почти на двадцать меньше, чем ему самому, и как раз в его вкусе. Старухами пусть занимаются другие. У Бертиля Мелльберга возможности молодого плюс опыт и здоровая полнота. Кто заподозрит, что шевелюра на макушке немного поредела?

Бертиль провел рукой по темени – волосы на месте.

* * *

– Торд Педерсен.

– Добрый день, это комиссар Бертиль Мелльберг, отделение Танумсхеде. Вы мне звонили?

– Звонил. К нам поступило тело по вашему округу… Александра Вийкнер, выглядит как самоубийство.

Мелльберг нетерпеливо замычал, но доктор медлил, распаляя его любопытство.

– Так вот, вчера я проводил вскрытие. Вне всякого сомнения, это не самоубийство.

– Черт.

Мелльберг заерзал. Чашка в очередной раз перевернулась, и остатки кофе вытекли на стол. И снова в ход была пущена рубашка, на которой образовалась новая серия пятен.

– Откуда вы знаете? – Мелльберг сразу взял деловой тон. – Я имею в виду, на каком основании вы подозреваете убийство?

– Могу выслать результаты вскрытия по факсу, но, боюсь, это мало что вам даст. Лучше на пальцах разъясню основные моменты… Секунду, только надену очки.

Педерсен замычал, листая страницы. Очевидно, выискивал в отчете нужные места. Мелльберг ждал.

– Вот! Женщина, тридцати пяти лет, в хорошем физическом состоянии… ну, дальше вы уже знаете… Умерла с неделю тому назад. Тело сохранилось благодаря низкой температуре помещения… ниже пояса была вморожена в лед. Глубокие порезы на запястьях сделаны бритвой, обнаруженной на месте происшествия… Это то, что сразу навело меня на подозрения. Порезы одинаково глубокие и ровные, что бывает редко… я бы даже сказал, совершенно исключено в случае самоубийства. Вы же понимаете, все мы либо левши, либо правши, поэтому порез на левой руке правши будет ровнее и глубже, так как сделан правой рукой, а на левой – меньше и кривее. Когда я осмотрел ее руки, подозрения только подтвердились. Лезвие было очень острым, в таких случаях на кончиках пальцев обнаруживаются микроскопические порезы… Ничего подобного у Александры Вийкнер нет. Одно это указывает на то, что порезы сделал кто-то другой. Кто-то стремился представить все это как самоубийство; очень на то похоже, по крайней мере. – Педерсен сделала паузу. – Отсюда вопрос – почему она не сопротивлялась? Ответ на него дала токсикологическая экспертиза. В крови жертвы обнаружены значительные дозы снотворных препаратов.

– И что это значит? Могла она сама наглотаться таблеток?

– Разумеется, такое вполне могло быть. Слава науке, снабдившей нас незаменимыми методами и инструментами. Это благодаря им мы смогли сегодня достаточно точно рассчитать время разложения лекарственных препаратов и даже ядов. Мы повторяли тест и каждый раз приходили к одному и тому же результату. Александра Вийкнер не могла вскрыть себе вены, потому что к тому времени, когда ее сердце остановилось по причине потери крови, она давно находилась в бессознательном состоянии. К сожалению, не могу сказать, когда именно это произошло… так далеко возможности нашей науки пока не простираются. В любом случае надеюсь, что вы возьметесь за это. Убийство – вы ведь не избалованы такими делами там, в Танумсхеде?

Последний вопрос прозвучал с насмешкой, которую Мелльберг принял на свой счет.

– Вот здесь вы правы, – подтвердил он. – У полицейских из Танумсхеде небольшой опыт по этой части. Но, к счастью, теперь я здесь, а значит, вы смело можете доверить убийство нашему участку. Для провинциальных коллег это станет прекрасной возможностью посмотреть, как выглядит настоящая работа. Мы докопаемся до истины, будьте уверены. Даю слово.

Целью этой напыщенной речи было показать доктору Педерсену, что он имеет дело не с каким-нибудь желторотым птенцом. Медики всегда много о себе воображают. Так или иначе, работа Педерсена закончена, и теперь за дело возьмутся настоящие профи.

– Да, еще… – Энтузиазм комиссара настолько сбил с толку Торда Педерсена, так что тот забыл сообщить пару важных деталей. – Александра Вийкнер была на третьем месяце и рожала до того. Не знаю, что это вам даст, но информации чем больше, тем лучше.

Мелльберг промычал что-то неопределенное, и, вежливо распрощавшись, оба положили трубки. Мелльберг – в предвкушении интересного дела. Педерсен – весь в сомнениях относительно компетентности, с которой оно будет расследоваться.

Предварительный осмотр ванной комнаты криминалисты провели сразу после обнаружения тела Александры Вийкнер, но в доме оставались и другие помещения, которые теперь нужно было пройти миллиметр за миллиметром.

2

Он взял прядь волос, отогрел в ладонях. Ледяные кристаллы расплавились, и он осторожно слизал капли. Потом прижался щекой к краю ванны, почувствовал холод.

Как она была прекрасна, восстающая из ледяной глыбы…

И связь между ними оставалась все такой же прочной. Оба они одного поля ягоды – ничего не изменилось.

Разве кисть руки на этот раз удалось развернуть с трудом. Так, ладонь к ладони… Он сплел ее пальцы со своими. К руке прилипли частички замерзшей крови.

Рядом с ней времени не существовало. Годы, дни, недели смешались в едином потоке, в котором имело значение одно – их сплетенные руки. Потому предательство и оставляет такие болезненные раны. Она вернула в их жизнь время – зачем? За это в ее жилах никогда больше не будет течь теплая кровь.

Он осторожно вернул руку в прежнее положение.

Вышел не оглянувшись.

* * *

Резкий звук вырвал Эрику из глубокого сна без сновидений. Не сразу опознав сигнал мобильника, она выскочила из постели и нажала кнопку.

– Эрика Фальк.

Спросонья голос был такой хриплый, что пришлось прокашляться, прикрыв трубку ладонью.

– Я вас разбудил? Простите.

– Нет, нет, я уже не сплю.

Глупый ответ пришел на язык автоматически. По крайней мере, то, что она не спит, было очевидно.

– В любом случае прошу прощения. Это Хенрик Вийкнер. Я только что говорил с Биргит, это она просила меня с вами связаться. Дело в том, что сегодня утром ей

звонил какой-то наглый полицейский из Танумсхеде. И приказал ей – ни больше ни меньше – в самых беспардонных выражениях немедленно быть в участке. Понятно, там требуется и мое присутствие. Он не разъяснил, в чем дело, но на этот счет у нас есть свои предположения. Биргит очень переживает. Как назло, ни Карла-Эрика, ни Юлии нет во Фьельбаке, поэтому мне не оставалось ничего другого, как обратиться к вам. Не могли бы вы к ней заехать? Сестра и шурин Биргит работают, поэтому она дома одна. Сам я смогу быть во Фьельбаке не раньше чем через пару часов, и очень желательно, чтобы кто-нибудь составил ей компанию на это время. Понимаю, что просить об этом – дерзость с моей стороны, ведь мы почти не знакомы. Но выбора у меня нет.

– Никаких проблем. Конечно, я заеду к Биргит, только оденусь. Через пятнадцать минут буду у нее.

– Отлично! Я ваш должник, правда. У Биргит всегда были слабые нервы, и ей желательно быть под присмотром, пока я доберусь до Фьельбаки. Позвоню и предупрежу ее, что вы в пути. Я объявлюсь у нее после двенадцати, тогда сможем поговорить основательнее. Еще раз большое спасибо.

Все еще сонная, Эрика пошла в ванную наскоро умыться. Потом надела вчерашнюю одежду, быстро навела макияж, причесалась и меньше чем через десять минут уже сидела в машине. Дорога от Сэльвика до Тальгатан заняла еще пять минут. Таким образом, через четверть часа после разговора с Хенриком – секунда в секунду – Эрика была на месте.

Биргит выглядела так, будто со времени их последней встречи потеряла несколько килограммов. Платье висело на ней как на вешалке. На этот раз она не стала приглашать Эрику в гостиную и вместе с ней устроилась на кухне.

– Спасибо, что приехала. Не знаю, как бы я в одиночку дождалась Хенрика.

– Он сказал, будто вам звонил какой-то полицейский?

– Да, комиссар Мелльберг. Разбудил меня в восемь утра. Велел мне, Карлу-Эрику и Хенрику немедленно быть в участке. Я объяснила, что Карл-Эрик уехал по делам и вернется завтра, и просила перенести встречу, но он, как видно, из тех, кто не слышит никаких аргументов. Несносный тип… Конечно, я тут же позвонила Хенрику, и тот обещал подъехать, как только сможет, а пока

предложил попросить тебя присмотреть за мной. Надеюсь, это не выглядит непростительной наглостью с нашей стороны? Понимаю, что ты не горишь желанием и дальше погружаться в нашу семейную трагедию, но я не знаю никого, к кому могла бы еще обратиться. Одно время ты была нам как дочь, и вот я подумала…

– Буду рада помочь. Полицейский не объяснил, в чем дело?

– Нет, об этом он не сказал ни слова. Но у нас на этот счет свои предчувствия. – Тут Биргит разволновалась. – Или я не говорила, что она не убивала себя… не убивала…

Эрика положила руку на ее плечо.

– Не будем делать поспешных выводов. Может, вы и правы, но пока мы ничего не можем знать наверняка.

Время за кухонным столом тянулось долго. Говорить вскоре стало не о чем, и в тишине слышалось только тиканье часов. Эрика вычерчивала пальцем круги, следуя узору на скатерти. Биргит была такой же опрятной и подтянутой, как и в прошлый раз, но на лице ее лежала чуть заметная тень усталости – как пожелтевшая от времени глянцевая фотография. Похоже, она и в самом деле потеряла в весе, но это было ей совсем не к лицу. Биргит и без того балансировала на грани анорексии, и теперь у нее только прибавилось морщин. Она сжимала в руках кофейную чашку так, что костяшки пальцев были совсем белые. Возможно, в другой день это и разозлило бы Эрику, но только не сегодня.

– Не могу взять в толк, кому понадобилось убивать Алекс? У нее не было ни врагов, ни недоброжелателей. Они с Хенриком жили как все…

В гнетущей тишине дома эти слова прозвучали как пистолетный выстрел.

– Мы ведь не знаем, в чем дело, – повторила Эрика. – Давайте не будем строить догадок, пока не выясним, чего хочет полиция.

Биргит не ответила, и Эрика истолковала ее молчание как согласие.

В самом начале первого на парковку напротив дома завернул Хенрик. Увидев его в окно, женщины встали и пошли надевать пальто. Когда Хенрик позвонил в дверь, они были готовы ехать.

Биргит и Хенрик обменялись полувоздушными поцелуями в щеку, после чего он подошел к Эрике, не привыкшей к подобным нежностям. Она немного смутилась оттого, что вынуждена начинать новое дело с маленького насилия над собой, но все оказалось не так страшно. Пару секунд она даже наслаждалась запахом дорогого лосьона для бритья.

– Поедете с нами?

Эрика уже шла к машине.

– Ну…

– Очень обяжете.

Эрика поймала взгляд Хенрика поверх головы Биргит и, вздохнув, устроилась на заднем сиденье его «БМВ». День обещал быть долгим.

Дорога до Танумсхеде заняла не больше двадцати минут. Обсуждали что угодно – погоду, вымирание деревень и направление ветра, – только не предстоящую встречу с полицейскими.

Эрика спрашивала себя, что она здесь делает. Или у нее недостаточно своих проблем? Помимо прочего, идея ее книги только что рухнула как карточный домик. И первые страницы, которые она успела набросать, можно смело выбросить в мусорную корзину. Что ж, может, оно и к лучшему. Будет наконец повод заняться биографией Лагерлёф. С другой стороны, так ли уж все там непоправимо? Убийство – всего лишь новый ракурс и, возможно, более выгодный. Кое-что, конечно, придется переписать, но в целом…

И тут Эрика поняла, что она здесь делает. Алекс – не вымышленная героиня, которой можно вертеть как вздумается. Она – реальный человек, любимый такими же реальными людьми. Эрика и сама любила Алекс. В зеркальце заднего вида Хенрик выглядел слишком невозмутимым для человека, только что

получившего известие о насильственной смерти жены. Разве большинство убийств не происходит внутри семьи? Эрика застыдилась собственных мыслей и вздохнула с облегчением, увидев, что они приехали. Теперь дело за малым – вытерпеть все это, с тем чтобы вернуться к своим, относительно несложным проблемам.

* * *

Груды бумаг на столе все росли. Оставалось только диву даваться, откуда в такой маленькой коммуне, как Танум, столько преступлений! Большинство, конечно, мелочи, но любое заявление должно быть рассмотрено надлежащим порядком. Именно для этого он здесь и сидел. Было бы любезно со стороны Мелльберга хоть чем-нибудь помочь коллеге, вместо того чтобы с утра до вечера попусту просиживать жирную задницу. С какой стати он должен брать на себя еще и работу шефа?

Патрик Хедстрём вздохнул. Если б не чувство юмора, он так долго не выдержал бы. Хотя в последнее время ему стало казаться, что в этом-то и состоит смысл жизни.

Долгожданное убийство стало событием дня на фоне повседневной рутины. Мелльберг попросил его присутствовать при беседе с мужем и матерью жертвы. Патрик ничего не чувствовал, кроме приятного возбуждения. И вовсе не потому, что не был знаком с семьей убитой или не видел в случившемся трагедии. Просто возможность поработать по-настоящему и в самом деле выпадала здесь редко. В полицейской школе их учили вести допросы, но до сих пор Патрик практиковался на драчунах да угонщиках велосипедов.

Он посмотрел на часы – пора отправляться в кабинет Мелльберга. О допросе здесь речи быть не может, чисто технически. Что ж, будем считать это рядовым утренним совещанием. По слухам, мать жертвы отказывается принимать версию самоубийства. Любопытно, что стоит за этим, вполне логичным, на взгляд Патрика, недоверием?

Он взял со стола блокнот, ручку и чашку с кофе и вышел в коридор. Имея полные руки, дверь открывал больше локтями и подбородком. Потому и увидел ее не раньше, чем выложил на стол все свои вещи.

На какую-то долю секунды сердце Патрика остановилось. Он представил себя десятилетним мальчиком, дергающим ее за косички. Потом – пятнадцатилетним подростком, который уговаривал ее прокатиться с ним на мопеде. В двенадцать лет она уехала в Гётеборг, и он потерял всякую надежду. Патрик вспомнил, что последний раз видел ее шесть лет тому назад. Она не изменилась – такая же высокая, роскошная. Волнистые светлые волосы до плеч неопределенного теплого оттенка. Уже в детстве она много о себе воображала, да и теперь, как видно, тщательно следит за внешностью.

Она была удивлена, увидев его. Но в этот момент недовольный взгляд Мелльберга словно пригвоздил Патрика к стулу. Он сел, ограничившись коротким вежливым приветствием.

Группа была настроена решительно. Мать Александры Вийкнер, маленькая и худенькая, нацепила на себя, на взгляд Патрика, слишком много золота. В дорогом костюме и с безупречной прической, она выглядела тем не менее потрепанной, с синими кругами под глазами. Зато супруг убитой не обнаруживал никаких признаков скорби. Патрик заглянул в его досье. Хенрик Вийкнер – успешный бизнесмен из Гётеборга и владелец значительного состояния, нажитого стараниями нескольких поколений.

Что ж, это заметно. И не только по качеству одежды или витавшему по комнате запаху дорогого лосьона. Хенрик Вийкнер излучал уверенность человека, с рождения осознающего свое привилегированное место в жизни. Такие не уступят ни пяди. Хенрик выглядел напряженно, но, вне сомнения, держал ситуацию под контролем.

Мелльберг восседал за столом. Он умудрился затолкать в штаны рубашку, на которой даже издали были видны кофейные разводы. Вглядываясь в лица участников собрания, комиссар правой рукой поправлял волосы на макушке. Чтобы не коситься на Эрику, Патрик сосредоточился на растекшемся по животу шефа кофейном пятне.

– М-да… Вы, конечно, догадываетесь, зачем я вас здесь собрал. – Мелльберг выдержал театральную паузу. – В общем… я комиссар Бертиль Мелльберг, начальник полицейского участка в Танумсхеде, а это Патрик Хедстрём, мой помощник в этом расследовании.

Он кивнул на Патрика.

– Расследовании? То есть это все-таки убийство! – Биргит подалась вперед, и Хенрик успокаивающе обнял ее за плечи.

– Да, мы утверждаем, что ваша дочь не могла сама лишить себя жизни. Самоубийство исключается на основании результатов судмедэкспертизы. Не буду вдаваться в детали, но вены были вскрыты, когда она находилась без сознания. В крови жертвы обнаружены значительные дозы снотворных препаратов, и не только. Злоумышленник или злоумышленники поместили в ванну уже бесчувственное тело, включили воду, перерезали жертве вены и оставили бритву на виду, пытаясь представить все как самоубийство.

Задернутые гардины защищали помещение от ярого полуденного солнца. Заявление комиссара явно обрадовало Биргит, но атмосфера противостояния ощущалась все острее.

– Кто это сделал? – Биргит достала из сумочки вышитый носовой платок и осторожно промокнула уголки глаз, чтобы не испортить макияж.

Мелльберг скрестил руки на непомерном животе и откашлялся.

– Это именно то, что я рассчитывал услышать от вас.

– От нас? – Удивление Хенрика выглядело неподдельным. – Но что мы можем об этом знать? Это дело рук безумца. Александра не имела ни врагов, ни недоброжелателей.

– И это говорите вы?

Патрик заметил, как по лицу супруга Алекс пробежала тень. Но секунду спустя оно снова прояснилось, и Хенрик Вийкнер взял себя в руки.

Патрик питал здоровое недоверие к таким типам. Люди, родившиеся с золотой ложкой во рту, таким не надо напрягаться. Вийкнер выглядел вполне дружелюбно, но под приветливой маской угадывалась сложная личность. В чертах красивого лица сквозила жестокость. Патрика поразило, что речь

комиссара не вызвала у Хенрика никаких эмоций. Одно дело предполагать, что твоя жена была убита, но когда это констатируется как доказанный факт, тут совсем другое. К такому выводу, по крайней мере, пришел Патрик после десяти лет работы в полиции.

– То есть вы нас подозреваете? – Лицо Биргит отразило такое удивление, будто на ее глазах комиссар только что превратился в тыкву.

– Большинство убийств совершается внутри семьи, на этот счет статистика неумолима. Не утверждаю, что так оно и в этом случае, но я должен убедиться наверняка. Мы заглянем под каждый камень, будьте уверены. Скоро все прояснится, у меня богатый опыт по части расследования убийств. – Еще одна театральная пауза. – Но сейчас меня интересует, что вы делали в тот день, когда предположительно была убита Александра Вийкнер, а также накануне и после. Прошу вас представить письменные показания на этот счет.

– О каком именно промежутке времени идет речь? – спросил Хенрик. – Последней из нас, кто говорил с ней, была Биргит. После чего никто из нас не звонил Александре раньше воскресенья, то есть, получается, это могло произойти и в субботу. Обычно я звонил ей в пятницу вечером в половине десятого, но не в этот раз. Александра имела привычку прогуливаться поздно вечером перед сном, и я решил ее не беспокоить.

– Она пролежала мертвой около недели – вот и все, что может утверждать судмедэксперт. Что касается ваших показаний насчет того, когда вы ей звонили, мы всё проверим, не сомневайтесь. Есть основания считать, что Александра Вийкнер умерла незадолго до девяти часов вечера в пятницу. Около шести, то есть предположительно сразу после приезда во Фьельбаку, она звонила Ларсу Теландеру, насчет неисправных батарей. Он не смог подъехать немедленно, но обещал появиться у нее около девяти часов того же вечера. Согласно его показаниям, ровно в девять он постучался к ней в дом и, не дождавшись ответа, отбыл восвояси. То есть Александра Вийкнер умерла вечером вскоре после приезда во Фьельбаку, такова наша рабочая гипотеза. С учетом холода, который стоял в доме, крайне маловероятно, чтобы она забыла о неисправных батареях.

Волосы соскользнули с левой стороны его макушки, и Эрика теперь во все глаза смотрела на Мелльберга. Патрик догадывался, что сейчас она борется с искушением подбежать и подправить комиссару прическу. Многие сотрудники участка прошли через это искушение.

– Когда вы в последний раз разговаривали с дочерью? – Вопрос Мелльберга был обращен к Биргит.

– Ну… – протянула та, – теперь уже точно не помню. Где-то около семи… Или между пятнадцатью минутами и половиной восьмого. Мы говорили совсем недолго, у Алекс был гость… – Биргит побледнела. – Неужели…

Мелльберг важно кивнул.

– Ничего нельзя исключать, фру Карлсон, ничего нельзя исключать… Выяснить все – в этом и состоит наша работа. И я могу уверить вас, что мы бросим на это все наши силы. Список подозреваемых должен сокращаться, для этого я и прошу вас представить письменные показания… прежде всего меня интересует вечер пятницы.

– Мне тоже нужно алиби? – спросила Эрика.

– Думаю, в этом нет особой необходимости, – ответил комиссар. – Но от вас мы ждем подробного описания того, что вы увидели в доме, когда обнаружили Александру Вийкнер мертвой. Вы можете оставить письменные показания ассистенту Хедстрёму.

Все взгляды устремились на Патрика, он кивнул. Зашаркали стулья.

– Какая трагедия… Еще и ребенок…

Посетители дружно посмотрели в сторону Мелльберга.

– Ребенок? – переспросила Биргит, переводя глаза то на Хенрика, то на комиссара.

– Она была на третьем месяце, – пояснил комиссар. – Разве для вас это новость?

Он ухмылялся, глядя на Вийкнера, так что Патрику стало стыдно за своего бестактного шефа. Лицо Хенрика приняло цвет белого мрамора. Биргит не сводила с него глаз. Эрика так и застыла на месте.

– Вы ждали ребенка? Почему я об этом ничего не знала… Боже…

Биргит прикрыла рот носовым платком, забыв о косметике, которая текла по ее щекам ручьями. Хенрик положил ладонь ей на голову и встретил взгляд Патрика. Было ясно как день, что Вийкнер впервые слышал о беременности супруги. В то время как смущенное выражение лица Эрики красноречиво свидетельствовало о том, что для нее это не новость.

– Поговорим об этом дома, Биргит. – Хенрик повернулся к Патрику: – Я прослежу за тем, чтобы вы своевременно получили наши показания. Возможно, после этого вам захочется встретиться с нами еще.

Хедстрём кивнул и, недоуменно подняв бровь, покосился на Эрику.

– Хенрик, я скоро подойду, – сказала та. – Надо перекинуться парой слов с Патриком. Мы с ним старые знакомые.

Вийкнер молча повел Биргит к машине.

– Рад тебя видеть. – Уставившись в пол, Патрик покачался с носка на пятку. – Приятная неожиданность, что и говорить.

– Мне следовало бы помнить, что ты здесь работаешь, – ответила Эрика.

Она стояла перед ним, сжав пальцами сумочку и слегка склонив голову набок. Патрик узнавал каждый ее жест.

– Как давно это было… Жаль, что я не смог быть на похоронах. Как вы это пережили, ты и Анна?

Эрика вдруг стала какой-то маленькой, несмотря на свой недюжинный рост, так, что Патрику захотелось погладить ее по щеке.

– Ну… с нами всё в порядке, – ответила она. – Анна после похорон уехала домой, а я задержалась на пару недель. Пыталась разобраться с родительскими вещами… это оказалось нелегко.

– Я слышал, что какая-то женщина из Фьельбаки обнаружила труп, но не знал, что это ты. Ужасно… Вы ведь были подруги?

– Да, – согласилась Эрика, – я никогда не забуду того, что увидела. Но мне надо бежать, меня ждут в машине. Может, встретимся как-нибудь? Я еще задержусь во Фьельбаке.

Она уже уходила по коридору.

– Как насчет вечера пятницы? В восемь часов у меня дома… Адрес в телефонной книге.

– Буду рада. Тогда увидимся в восемь?

Эрика толкнула дверь спиной и вышла.

Как только она пропала из поля зрения, Патрик под восторженными взглядами коллег изобразил в коридоре что-то вроде индейского танца. Но радость сразу стихла при мысли о том, сколько придется поработать, чтобы привести дом в надлежащий порядок. С тех пор как от него ушла Карин, Патрик совсем забросил хозяйство.

Они с Эрикой знали друг друга едва ли не с рождения. Их матери, лучшие подруги, были близки, как родные сестры. Эрика стала для Патрика первой большой любовью. Он родился, можно сказать, влюбленным в Эрику. Сама она никогда особенно над этим не задумывалась и принимала его собачью преданность как самую естественную вещь на свете. Только после того, как Эрика переехала в Гётеборг, Патрик понял, что мечты пора забросить на полку. Конечно, он влюблялся и в других женщин и даже женился на Карин, но Эрика всегда занимала в его душе особое место. Он мог не вспоминать ее месяцами, а потом вдруг снова принимался думать о ней каждый вечер.

Куча бумаг не стала меньше оттого, что он некоторое время отсутствовал в кабинете. Тяжело вздохнув, Патрик поднял листок, который лежал сверху. Работа была достаточно однообразной, чтобы по ходу планировать пятничное меню. С десертом, во всяком случае, он уже определился. Эрика всегда любила мороженое.

* * *

Проснувшись, он ощутил неприятный привкус во рту. Знатная, должно быть, вчера была пьянка. Парни завалились после обеда, а веселье кончилось только за полночь. Он еще смутно помнил, как приехала полиция, но больше ничего. Попытался сесть, но все вокруг так вращалось и гудело, что он снова повалился на постель.

Правая рука зудела. Он поднял ее, чтобы видеть. Костяшки пальцев были оцарапаны, со следами застывшей крови. Похоже, было жарко, поэтому и появились копы. Память понемногу возвращалась. Парни первыми заговорили о самоубийстве. Кто-то из них обозвал Алекс великосветской шлюхой… да, именно так. Андерс напыжился, а потом глаза заволокло красным туманом. Он впал в ярость. Бывало, конечно, и он болтал про нее всякое, особенно после ее предательства. Но это ведь совсем другое дело. Они не знали Алекс. Он один имел право ее судить.

Когда зазвонил телефон, Андерс поначалу пытался его игнорировать. Но потом понял, что легче выползти из постели и ответить, чем и дальше терпеть этот невыносимо режущий звук.

– Да, это Андерс.

Язык заплетался.

– Привет, это мама. Как ты?

– О… дерьмово… – Андерс упал спиной на стену и медленно сполз на пол. – Который час?

– Почти четыре часа дня. Я тебя разбудила?

– Нннет.

Голова разбухла и словно была готова расколоться надвое.

– Я только из магазина. Слышала кое-что, что, наверное, будет тебе интересно. Ты здесь?

– Да, мама, я здесь.

– Говорят, Алекс не лишала себя жизни. Ее убили… Я всего лишь хотела, чтобы ты об этом знал.

Тишина.

– Ау, Андерс… Ты слышал, что я сказала?

– Да, но… конечно… Так что ты сказала, мама, ее… убили?

– Да, так, по крайней мере, говорят люди. Биргит будто бы вызывали в полицейский участок в Танумсхеде…

– Черт… Слушай, мама, я должен это переварить… Созвонимся позже, ладно?

– Андерс…

Но он уже положил трубку.

Собрав в кулак последние силы, оделся и принял душ. После двух таблеток панодила снова почувствовал себя человеком. Не соблазнился даже бутылкой водки на кухне. Сегодня надо быть трезвым – более-менее, по крайней мере.

Очередной звонок он проигнорировал. Вместо этого откопал телефонную книгу в шкафу в прихожей и отыскал в ней нужный номер. Руки дрожали. Спустя вечность пошли сигналы.

– Привет, это Андерс, – сказал он, когда наконец взяли трубку. – Ннет… подожди, надо поговорить.

Подожди, не клади трубку; ты не тот, кем себя возомнил.

Я буду у тебя через четверть часа, так что сиди дома.

Мне плевать, кто у тебя там еще дома, неужели непонятно?

Не забывай, кто потерял больше всех.

Хватит болтать, я выхожу. Увидимся через пятнадцать минут.

Андерс швырнул трубку. Завздыхал, натягивая куртку, и вышел. Он не стал запирать дверь. В квартире снова заливался телефон.

* * *

Обессилевшая, Эрика подъезжала к дому. Всю дорогу от Танумсхеде они молчали, и Эрика поняла вдруг, какой нелегкий выбор предстоит сделать Хенрику. Признаться Биргит, что отец ребенка Алекс – не он, или молчать и надеяться, что это не всплывет в расследовании. Эрика не завидовала ему и не могла сказать, что бы сделала на его месте. Сказать правду – не всегда лучший выход из ситуации.

Сумерки уже сгустились, и она мысленно поблагодарила отца, установившего дополнительное уличное освещение, автоматически включающееся при ее приближении. Эрика всегда боялась темноты. В детстве она надеялась перерасти этот страх, которого просто не могло быть у взрослого человека. Но вот сейчас ей тридцать пять, и она по-прежнему заглядывает под кровать перед тем, как лечь, чтобы убедиться в том, что там никого нет.

Дома Эрика включила свет во всех комнатах, налила большой бокал красного вина и устроилась в круглом кресле на террасе. Темнота была плотной, но Эрика вглядывалась в нее невидящими глазами. Она чувствовала себя одинокой. Так много людей оплакивало Алекс, стольких затронула ее смерть… А у Эрики никого нет, кроме Анны. Иногда она спрашивала себя, станет ли сестра ее оплакивать?

Детьми они с Алекс дружили. Когда та стала отдаляться от нее, с тем чтобы потом навсегда исчезнуть, у Эрики будто земля ушла из-под ног. Алекс была для нее единственным близким человеком в этом мире, и единственная, не считая

отца, заботилась о ней.

Эрика почти швырнула бокал на стол. Хрустальная ножка откололась, остатки вина вылились на скатерть. Ей хотелось двигаться, сидеть так не было никаких сил. Притворяться и дальше, что смерть Алекс мало ее волнует, бессмысленно. Но что больше всего беспокоило Эрику, это несовпадение ее собственного представления о бывшей подруге с тем, которое можно было составить по рассказам членов ее семьи. Притом что с возрастом все люди меняются, в личности каждого остается некое неподвластное времени ядро. И то, которое совсем недавно открылось ей в Алекс, казалось совершенно чужим.

Эрика встала и снова надела пальто, нащупав в кармане ключи от машины. В другой карман она в последний момент сунула фонарик. Дом на самом верху холма выглядел одиноким в его фиолетовом свете. Эрика припарковалась на площадке за школой. Никто не должен был видеть, как она вошла.

Кусты во дворе приветствовали ее тихим шелестом. Эрика проскользнула на веранду и подняла коврик. Так и есть – Алекс не изменила старой привычке. Запасной ключ лежал на том же месте, что и двадцать пять лет назад. Дверь поддалась не сразу. Оставалось надеяться, что соседи не слышали скрипа.

Очутившись во мраке пустого дома, Эрика несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы хоть как-то успокоить взвинченные нервы. Потом, мысленно похвалив себя за предусмотрительность, вспомнила о фонарике и проверила состояние батареек. Всё в порядке. Заплясавший по стенам тусклый лучик сразу придал ей смелости.

Эрика осмотрела гостиную на первом этаже. Она и сама не знала, что ищет в этом доме, рискуя навлечь на себя внимание соседей и полиции.

Комната была красивая и просторная. Эрика заметила, что оранжево-коричневый интерьер семидесятых, который она помнила с детства, сменился скандинавским дизайном, с преобладанием белого цвета, чистых контуров и березовой мебели. Она сразу поняла, что это работа Алекс. Идеальный порядок – ни складки на диване, ни небрежно брошенной газеты на журнальном столике – оставлял тягостное впечатление. Но в целом Эрика не видела ничего достойного внимания.

Кухня, насколько она помнила, располагалась за гостиной и тоже была просторной. Порядок нарушала одинокая кофейная чашка в мойке. Эрика вернулась в гостиную, по лестнице поднялась на второй этаж, где сразу шагнула вправо и открыла дверь просторной спальни.

Когда-то это была спальня Биргит и Карла-Эрика, но потом здесь, похоже, обосновались Алекс и Хенрик. И она была обставлена с большим вкусом. Экзотическую нотку привносил шоколадный цвет покрывала и африканские деревянные маски на стенах. С высокого потолка свисала массивная люстра. Очевидно, Александра удержалась от искушения оформить весь дом в морском стиле, обычном для местных загородных вилл. Бутики во Фьельбаке были забиты обоями с изображением морских узлов, гардинами с ракушками и разными морскими безделушками.

В отличие от гостиной и кухни, спальня выглядела жилой. На ночном столике лежали очки и сборник стихотворений Густава Фрёдинга [5 - Густав Фрёдинг (1860–1911) – шведский поэт.]. На полу валялись чулки, на кровати – что-то из нижнего белья. Впервые Эрика почувствовала, что Алекс действительно жила в этом доме.

Она заглянула в шкаф, осторожно выдвинула несколько ящиков. Эрика все еще не знала, что ищет, и чувствовала себя воришкой, роющимся в дорогом шелковом белье Алекс. Но как раз в тот момент, когда она собиралась перейти к следующему ящику, рука нащупала что-то плотное; что шаркнуло по дну.

И тут Эрика замерла с полной горстью кружевных трусов и бюстгальтеров. Снизу раздался звук, отчетливо различимый в тишине дома. Кто-то осторожно открыл и закрыл дверь на первом этаже. Эрика огляделась в поисках укрытия. Спрятаться можно было под кроватью или в одном из гардеробов, выстроившихся вдоль стены. Она быстро сориентировалась и, прежде чем на лестнице послышались шаги, шмыгнула в ближайший гардероб. Дверь открылась и закрылась бесшумно. Эрика затаилась за развешанной одеждой. Шаги приближались.

Кто-то поднялся по лестнице и остановился перед дверью спальни. Внезапно Эрика почувствовала, что держит в руке что-то похожее на свернутую бумагу. Очевидно, это был предмет, шаркнувший по дну ящика. Эрика осторожно спрятала его в карман жакета.

Она затаила дыхание. Когда нестерпимо зачесался нос, принялась водить им из стороны в сторону. Слава богу, зуд стих.

Человек, которого она не видела, медленно прошелся по комнате. Похоже, он занимался тем же, что и Эрика до его появления. Ящики выдвигались один за другим, и она с замиранием сердца ждала, что вот-вот очередь дойдет и до гардероба. На лбу выступили капельки пота. Что делать? Все, что она могла, – забиться в угол как можно дальше. Эрике повезло. В подвернувшемся ей гардеробе было много длинных пальто, которые скрыли ее фигуру с головы до ног. Оставалось надеяться, что незнакомец не заметит лодыжек, торчащих из пары туфель на полу.

Он довольно долго возился с ящиками стола. Эрика дышала запахом нафталина, утешаясь надеждой, что защищена по крайней мере от насекомых, и стараясь не думать о том, что тот, кто роется в ящиках в какой-нибудь паре метров от нее, вполне может оказаться убийцей Алекс. Кому еще, в самом деле, понадобилось бы тайком пробираться в этот дом? Тут она усмехнулась, вспомнив, что и сама вторглась сюда без официального разрешения полиции.

Тут дверь гардероба распахнулась, и кожу на лодыжках обдало прохладным ветерком. Эрика замерла. Не похоже, чтобы этот гардероб хранил какую-то тайну или сокровище, – здесь все зависело от того, кто его обыскивает. Соседняя дверца открылась и захлопнулась так же быстро, после чего шаги стали удаляться по направлению к двери и далее вниз по лестнице. Наконец, вечность спустя, открылась и захлопнулась входная дверь, и Эрика решилась выйти из укрытия. Как здорово было наконец вдохнуть полной грудью!

Комната выглядела так же, как и в тот момент, когда Эрика вошла сюда. Что бы там ни искал вторженец, он вел себя крайне осторожно и не оставил следов. В том, что он не был обычным вором, она почти не сомневалась. Эрика снова открыла гардероб, в котором только что пряталась. Прижимаясь к задней стенке, она ощущала спиной и бедрами что-то твердое и прямоугольное. За платьями и пальто обнаружилось нечто похожее на большое полотно, повернутое обратной стороной. Эрика осторожно подняла его и развернула.

Это была невероятно красивая картина. Исключительно талантливая – даже Эрика поняла это сразу. На полотне обнаженная Александра возлежала на боку, подперев рукой голову. Теплые тона придавали ее лицу умиротворенное выражение. Кому и зачем понадобилось прятать в шкаф это чудо? У Александры

вроде бы не было причин его стыдиться, поскольку художник нисколько не приукрасил достоинства оригинала.

Странно, но полотно оставляло впечатление чего-то до боли знакомого. Эрика не могла избавиться от чувства, что уже видела его раньше. Сигнатура в правом нижнем углу отсутствовала, зато на обратной стороне стояла цифра 1999, очевидно, обозначающая год написания. Эрика осторожно вернула картину на место и прикрыла дверцу.

Она в последний раз оглядела комнату. Что-то здесь ее смущало, что-то было не так. Как будто не хватало какой-то детали, при этом Эрика никак не могла понять, какой именно. Так или иначе задерживаться здесь она не решилась. Ключ оставила там, где взяла, и успокоилась не раньше чем села в машину и завела мотор. Приключений для одного вечера более чем достаточно. Большая рюмка коньяка – вот и все, что теперь ей было нужно. Зачем она вообще приезжала сюда и что рассчитывала найти?

Въезжая в гараж, Эрика взглянула на часы и удивилась. С тех пор как она покинула дом, прошло меньше часа, а ей казалось, что целая вечность.

* * *

Стокгольм предстал перед ней во всем своем блеске, но тяжесть на сердце не отпускала ни на минуту. В другой день, проезжая по мосту Вестербрун, Эрика непременно залюбовалась бы залитым солнцем Риддарфьорденом, но только не сегодня. Встреча, назначенная на два часа, занимала ее мысли от самой Фьельбаки.

Марианна четко прояснила суть ситуации с юридической точки зрения. Если Анна и Лукас и дальше будут настаивать на продаже дома, ей придется подчиниться. Все, что Эрика может сделать, – выкупить свою половину наследства согласно рыночной стоимости, что совершенно нереально, с учетом цен на недвижимость во Фьельбаке. Эрика не располагала и малой частью требуемой суммы. Разумеется, в случае продажи и ей полагалась часть выручки, то есть пара-другая миллионов, по самым скромным подсчетам. Но деньги Эрику не интересовали. Никакие миллионы не смогли бы возместить боль утраты. Мысль о том, что какой-нибудь хлыщ, возомнивший себя морским жителем только благодаря новоприобретенной посудине с парусом, снесет террасу на

фронтальной стене ради модного панорамного окна, приводила Эрику в бешенство. И ее опасения не были напрасны, подобное случалось сплошь и рядом.

Эрика свернула к зданию адвокатского бюро на Рунебергсгатан, что в Эстермальме, – с помпезным фасадом и колоннами из цельного мрамора. В лифте в последний раз оглядела в зеркале тщательно подобранный костюм. Она была здесь впервые, но прекрасно понимала, с какого рода адвокатами имеет дело Лукас. Накануне он великодушно разрешил ей явиться на встречу со своим представителем, но Эрика предпочла действовать в одиночку. Такая роскошь, как собственный адвокат, была ей просто не по карману.

А вот с Анной и детьми Эрика охотно посидела бы в более непринужденной обстановке. К примеру, за чашкой кофе у них дома. Поведение сестры раздражало Эрику, но она решила делать все от нее зависящее, чтобы не дать их отношениям окончательно заглохнуть.

В этом пункте Анна ее не поддержала, оправдавшись тем, что ситуация складывается и без того стрессовая. Лучше ограничиться совещанием в бюро. А когда Эрика предложила отдохнуть вместе, когда все дела будут улажены, Анна вдруг вспомнила, что договорилась встретиться с подругой. В общем, не одно, так другое. Очевидно, сестра ее избегала. Интересно только, по собственной инициативе или по указанию Лукаса? Он ведь работал, поэтому не смог бы проконтролировать их посиделки.

Когда Эрика вошла, все были в сборе и с серьезными минами наблюдали, как Эрика с натянутой улыбкой приветствует крепким рукопожатием обоих адвокатов Лукаса. Сам он ограничился легким кивком. Анна из-за его спины неуверенно помахала сестре рукой. Потом все расселись и приступили к делу.

Встреча не заняла много времени. Юристы сухо повторили то, что Эрика и без того знала. А именно, что Анна и Лукас имеют полное право инициировать продажу родительского дома. Если Эрике угодно выкупить свою половину, она может это сделать. Если же не может или не хочет, дом будет выставлен на продажу сразу после оценки его рыночной стоимости независимыми экспертами.

Эрика посмотрела Анне в глаза.

– Ты точно этого хочешь? Разве этот дом больше ничего для тебя не значит? Что подумали бы мама с папой, если б узнали, что мы избавимся от него сразу, как только они уйдут? Это то, чего ты хочешь?

Эрика сделала акцент на слове «ты». Лукас заерзал на стуле.

Анна опустила глаза и собрала с элегантного платья несколько невидимых пылинок. Ее светлые волосы были гладко зачесаны назад и собраны в «хвост» на затылке.

– Зачем нам этот дом, Эрика? Что мы будем с ним делать? Со старыми домами всегда так много возни… Подумай о деньгах, которые мы можем выручить. Уверена, маме с папой пришелся бы по душе практический подход к делу. Я имею в виду, мы ведь не собираемся там жить. В этом случае мы с Лукасом предпочли бы летнюю виллу в стокгольмских шхерах. Это, по крайней мере, ближе. И потом, что ты будешь делать там одна?

Лукас усмехался, заботливо похлопывая Анну по спине. Она все еще не решалась поднять голову.

И снова Эрике бросилось в глаза, какой усталой выглядит ее младшая сестра. Похудела, черный костюм свободно висит на груди и талии… Под глазами темнеют круги, на правой скуле припудренное синее пятнышко… От ярости и осознания собственного бессилия у Эрики потемнело в глазах.

Она посмотрела на Лукаса, тот спокойно встретил ее взгляд. Он приехал прямо с работы – в костюме цвета графита, ослепительно-белой рубашке и темно-сером галстуке. Элегантный великосветский хлыщ. А ведь немало найдется женщин, которые сочтут его неотразимым. Самой Эрике казалось, будто на его лице лежит угрюмая тень – как невидимый мрачный светофильтр. Его черты были угловаты, скулы и челюсти резко очерчены. Зачесанные назад волосы, открывающие высокий лоб, подчеркивали эту особенность. Лукас не выглядел природным рыжим англичанином. Скорее скандинавом с голубыми льдистыми глазами и белыми волосами. Полная, женственно изогнутая верхняя губа придавала его облику какую-то декадентскую изысканность. Заметив, что Лукас косится на ее декольте, Эрика механически поправила жакет. Жест не ускользнул от его внимания, и это разозлило ее еще больше. Не хватало только, чтобы он вообразил себе, будто может ее смутить.

По окончании заседания Эрика повернулась и пошла к выходу, не утруждая себя вежливыми прощальными фразами. Все, что нужно, было сказано. Скоро с ней свяжется человек, который оценит стоимость дома, после чего тот незамедлительно будет выставлен на продажу. Утешительные фразы били мимо цели. Она проиграла.

В Стокгольме Эрика, через знакомых, снимала квартиру у приятной пары супругов-докторантов, но ехать туда не хотелось. Не чувствуя в себе сил и на пятичасовую поездку до Фьельбаки, она оставила машину на закрытой парковке возле площади Стюреплан и отправилась в Хюмлегордспаркен. Нужно было собраться с мыслями. Красивый парк, точно оазис, раскинувшийся в центре Стокгольма, навевал подходящее медитативное настроение.

Снег, должно быть, только что выпал и все еще лежал на сухой траве. В Стокгольме он за какую-нибудь пару дней превращался в грязно-серое месиво. Эрика устроилась на одной из парковых скамеек, подложив под себя теплые перчатки. Воспаление мочевыводящих путей – не то, с чем можно шутить, и последнее, что ей было нужно в сложившейся ситуации.

Наблюдая за людским потоком, текущим мимо нее по гравийным дорожкам, Эрика отпустила мысли на волю. Было время обеденного перерыва. Она успела отвыкнуть от столичной суеты. Стокгольмцы дни напролет проводили в погоне за чем-то таким, что никак не могли поймать, и Эрике вдруг захотелось вернуться во Фьельбаку. Она впервые оценила покой, которым исполнилась ее жизнь за последние несколько недель. Конечно, за это время многое произошло, но Эрика нашла мир в своей душе, чего с ней никогда не бывало в Стокгольме.

Одинокий человек чувствует здесь себя в полной изоляции. Во Фьельбаке, так или иначе, она никогда не была одна. Там народ, по крайней мере, помнит о существовании соседей. Иногда, пожалуй, уделяет им даже слишком много внимания. Сплетники – зло, и все-таки это лучше отчуждения и ощущения абсолютной ненужности.

И тут Эрика снова подумала об Алекс. Зачем та наезжала во Фьельбаку каждые выходные? С кем встречалась? И наконец, главный вопрос: кто был отцом ее ребенка?

В этот момент Эрика вспомнила о бумаге, которую сунула в карман в темном гардеробе. Удивительно только, как она могла забыть о ней позавчера вечером? Эрика нащупала скомканный листок и осторожно развернула его замерзшими пальцами.

Это была ксерокопия статьи из «Бохусленингена». Даты Эрика не видела, но, судя по шрифту и черно-белой фотографии, газета была старой, похоже, годов семидесятых. И люди на снимке, и история, о которой говорилось в статье, были ей знакомы. Зачем только Алекс хранила это в ящике письменного стола?

Эрика встала и сунула листок обратно в карман. Дело сделано, пора домой.

* * *

Церемония получилась красивой и торжественной. Большинство скамей в церкви пустовали. Но и из присутствующих Александру знали, конечно, далеко не все. Бо?льшая часть публики явилась сюда из любопытства.

Семья и друзья занимали передние скамьи. Кроме родителей Алекс и Хенрика, Эрика узнала Франсин. Рядом с ней сидел высокий, светловолосый мужчина – похоже, муж. В целом все друзья свободно уместились на двух рядах, и это лишь подтвердило представление об Алекс, сложившееся у Эрики за последние дни. Окруженная бесчисленными знакомыми, она лишь немногих подпускала к себе близко.

Сама Эрика предпочла укрыться на галерке. По дороге в церковь Биргит предложила ей занять место среди родственников, но Эрика отказалась. В сущности, Алекс давно была для нее чужой.

Эрика ерзала на неудобной скамье. В детстве их с Анной каждое воскресенье водили в церковь слушать бесконечные проповеди и псалмы, мелодии которых просто невозможно было запомнить. Чтобы хоть как-то развеяться, Эрика стала сочинять разные истории. Поначалу это были сказки о драконах и принцессах. Все они забылись, поскольку так и не были зафиксированы на бумаге. В подростковом возрасте истории стали более сентиментальными. Хотя тогда, войдя в трудный возраст, Эрика начала протестовать и нередко прогуливала службы. Как ни смешно, своим писательским поприщем – по крайней мере

отчасти – она была обязана этой церкви.

До сих пор Эрика не нашла свою веру. Церковь была для нее красивым зданием, овеянным многовековыми традициями, но не более. Проповедники не слишком преуспели, пытаясь приобщить Эрику к религии. В детстве их речи крутились больше вокруг грехов и преисподней. В них не было место любящему Богу, о существовании которого Эрика лишь слышала и присутствия которого совсем не чувствовала. На этот раз все выглядело иначе. Женщина в пасторской мантии перед алтарем говорила о надежде, спасении и любви. И Эрика пожалела, что не ее слушала здесь в детстве.

Наблюдая за публикой, она обратила внимание на женщину рядом с Биргит в первом ряду. Биргит судорожно сжимала ее руку и время от времени клала голову на ее плечо. Вне сомнения, это была Юлия, младшая сестра Алекс. Она сидела слишком далеко, чтобы можно было разглядеть ее лицо, но Эрика заметила, что молодая дама как будто сопротивляется ласкам матери. Юлия вздрагивала каждый раз, когда Биргит пыталась взять ее руку. Последнюю, впрочем, это не останавливало. Хотя, возможно, находясь в полувменяемом состоянии, она просто не воспринимала реакции Юлии.

Солнце просачивалось сквозь высокие витражи. Сидеть на жесткой скамье стало невозможно, в нижней части спины запульсировала боль. Впрочем, все продолжалось сравнительно недолго. Когда церемония закончилась, Эрика некоторое время оставалась на месте и наблюдала за людьми, выходящими из церкви.

Снаружи распогодилось и припекало почти невыносимо. Процессия спустилась к кладбищу и свежевырытой могиле, куда должны были опустить гроб Алекс.

До родительских похорон Эрика не задумывалась над тем, как роют могилы зимой, когда земля промерзает. Теперь она знала, что выделенные под могилы участки специально подогревают, чтобы можно было копать. На пути к месту, выбранному для захоронения Алекс, Эрика миновала родительское надгробье. Она шла последней, поэтому задержалась возле серого камня. На нем лежал толстый слой снега, который Эрика тщательно смела рукой, после чего поспешила догонять небольшую группу, остановившуюся немного поодаль. Любопытные к тому времени по большей части отсеялись, и теперь гроб Алекс окружали только родственники и близкие друзья. На мгновение Эрика задумалась, насколько уместно ее присутствие в этом тесном кругу, но потом

решила остаться. Она хотела проводить бывшую подругу к месту последнего упокоения.

Хенрик стоял впереди, глубоко засунув руки в карманы. Опустив голову, он не отрываясь смотрел на гроб, медленно покрывавшийся цветами, в основном красными розами.

Эрика задалась вопросом, не разглядывает ли и он публику краем глаза. И подумала о том, что отец ребенка Алекс тоже должен быть где-то здесь.

Когда гроб опустили в яму, тишину нарушил тягостный вздох Биргит. Карл-Эрик стоял с сухими глазами, сжав губы. Все его силы уходили на то, чтобы поддерживать жену, во всем смыслах. Несколько в стороне Эрика увидела Юлию. Хенрик не преувеличил, назвав ее гадким утенком и полной противоположностью Алекс. Темные волосы Юлии, небрежно обкромсанные, торчали в разные стороны. Черты лица были грубы; глубоко посаженные глаза глядели из-под слишком длинной челки. Эрика не заметила косметики на ее лице, еще хранившем следы подростковых прыщей. Рядом с крупной, бесформенной фигурой младшей дочери Биргит казалась еще более маленькой и хрупкой. Юлия была выше ее больше чем на десять сантиметров.

Эрика как завороженная следила за игрой эмоций на этом некрасивом лице. Боль, гнев, ярость сменяли друг друга с быстротой молнии. Глаза оставались сухими. Юлия единственная не положила на гроб Алекс ни цветочка. Лишь только все было кончено, она повернулась к могиле спиной и пошла в направлении церкви.

Каковы все-таки были отношения между сестрами? Нелегко, должно быть, когда тебя постоянно сравнивают с Алекс. Само по себе это означает всегда быть в проигрыше. Юлия решительно шагала впереди, расстояние между ней и остальными быстро увеличивалось. Подтянутые к ушам плечи выражали равнодушие и холодность.

Хенрик догнал Эрику.

– Планируется что-то вроде поминок. Будем рады вас видеть.

– Не знаю пока, – процедила она сквозь зубы.

– Может, все-таки заглянете, хоть ненадолго?

Она задумалась.

– Ну хорошо… Где это будет, у Уллы?

– Нет, мы решили собраться в доме Биргит и Карла-Эрика. Несмотря ни на что, Алекс любила его. У нас с ним связано много теплых воспоминаний, так что лучшего места не найти. Хотя… возможно, после последнего посещения у вас остались от него другие впечатления.

Эрика покраснела при мысли, что можно было считать последним посещением, и быстро опустила глаза.

– Хорошо, я приду.

* * *

Она подъехала на своей машине, которую оставила на парковке за хокебакенской школой. В доме было полно людей, так что, едва переступив порог, Эрика задумалась, не повернуть ли домой. Когда подошел Хенрик принять у нее пальто, отступать было поздно.

Особенное оживление возникло вокруг обеденного стола, на котором на блюде возвышался бутербродный торт. Эрика выбрала большой кусок с креветкой и быстро отступила в угол, где могла без помех угощаться, наблюдая за присутствующими.

Атмосфера вечера показалась ей, пожалуй, слишком оживленной, с учетом специфики повода. Царило нечто похожее на натянутое веселье полуофициальных светских вечеринок, плохо вязавшееся с мыслью о том, что совсем недавно в этом доме лежала мертвая Алекс.

Эрика обвела взглядом зал. Биргит сидела в углу на диване и утирала глаза платком. Карл-Эрик стоял, положив одну руку ей на плечо и держа в другой тарелку с тортом. Хенрик чувствовал себя как рыба в воде, занимаясь гостями.

Он переходил от одной группы к другой, кивал, жал руки, принимал соболезнования, объявлял о том, что подоспели кексы и кофе. На любой другой вечеринке Хенрик Вийкнер выглядел бы идеальным хозяином, но только не на похоронах собственной жены. Иногда он останавливался на полпути, делал глубокий вдох и медлил минуту-другую – только это и выдавало его напряжение.

И единственной, кто выбивался из общей картины, снова была Юлия. Она сидела на подоконнике на веранде, подтянув ногу к стеклу и устремив взгляд в сторону моря. Все, кто приближался к ней с утешениями и соболезнованиями, быстро уходили прочь.

Эрика вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение. Из ее чашки на блюдце выплеснулось немного кофе.

– Простите, не хотела вас пугать. – Франсин улыбалась.

– Ничего страшного, просто я немного задумалась.

– О Юлии? – Франсин кивнула в сторону фигуры у окна. – Я заметила, вы разглядывали ее.

– Признаюсь, она меня заинтересовала. Всегда держится в стороне? Не могу взять в толк, она оплакивает Алекс или озабочена чем-то своим?

– Наверное, нет на свете человека, который понимал бы Юлию. Ей ведь пришлось нелегко. Гадкий утенок вырос рядом с двумя прекрасными лебедями. Ее постоянно отталкивали, игнорировали. Дело даже не в том, что о Юлии плохо думали или говорили. Просто она была нежеланна. К примеру, живя во Франции, Алекс ни разу не упомянула о ней. Я очень удивилась, когда узнала, что у нее в Швеции есть младшая сестра. Она больше говорила о вас, чем о Юлии. Похоже, у вас были особые отношения с Александрой?

– Не знаю. Мы были детьми и, как и все дети, клялись друг другу в верности и думали, что нас никто и ничто не разлучит. Но если б Алекс не уехала, с нами сталось бы то же, что и с другими девочками подросткового возраста. Мы ссорились бы из-за мальчиков, имели бы разный вкус в одежде, наконец, достигли бы разных ступеней социальной лестницы и расстались бы, променяв друг друга на тех, кто больше подходил бы нам на новой стадии развития. Но

Алекс сильно влияла на мою жизнь, и не только в детстве. До сих пор не могу избавиться от ощущения, что она меня предала. Постоянно задаюсь вопросом, что я сделала не так? Ни с того ни с сего она отдалилась от меня, а потом и вовсе уехала. Она стала мне чужой. Странно, но мне кажется, что сейчас я узнаю ее заново.

Эрика вспомнила о кипе страниц, быстро растущей на письменном столе дома. До сих пор это были чужие впечатления и воспоминания, вперемешку с собственными мыслями и ощущениями. Эрика понятия не имела, как организовать все это в единое целое; знала только, что надо что-то делать. Писательским инстинктом она угадывала здесь возможность создать наконец что-то настоящее. Но где проходила граница между ее литературными интересами и личной привязанностью к Алекс, оставалось для нее загадкой. Писательское любопытство побуждало Эрику рассмотреть историю смерти бывшей подруги в более личностном аспекте. В конце концов, что мешало ей оставить в покое Алекс и, повернувшись спиной ко всему оплакивающему ее клану, заняться наконец своими проблемами?

Но вместо этого Эрика почему-то стояла здесь, в доме, переполненном людьми, большинство из которых она не знала.

В этот момент Эрика вспомнила о картине, которую нашла в гардеробе в спальне. Она вдруг поняла, почему теплые тона, в которых художник изобразил обнаженное тело Алекс, показались ей знакомыми, и повернулась к Франсин.

– Помните, я приходила к вам в галерею?

– Да.

– Там возле двери висела одна картина… Теплые цвета – желтый, красный, оранжевый…

– Понимаю, что вы имеете в виду. Но зачем вам она? Надеюсь, вы не надумали торговать предметами искусства? – Франсин улыбнулась.

– Нет, мне просто интересно… Кто ее написал?

– Это печальная история, – Франсин вздохнула. – Художника зовут Андерс Нильсон, и он родом отсюда, из Фьельбаки. Это Алекс его открыла. Человек большого дарования и, к сожалению, конченый алкоголик. Тем самым он уничтожил себя как художника. Сейчас ведь мало передать картины в какую-нибудь галерею и ждать успеха. Художник должен быть хорошим маркетологом, показываться на вернисажах, ходить на мероприятия и полностью соответствовать сложившемуся образу «человека искусства». Но Андерс Нильсон – спившийся тип, какого не каждый пустит к себе в гостиную. Время от времени нам удается продать то или иное его полотно понимающему клиенту, но звездой современного искусства Андерсу не стать. Рассуждая цинично, смерть от перепоя только увеличила бы его шансы. Мертвые художники всегда хорошо пробивались к широкой публике.

Эрика с изумлением уставилась на миниатюрную фигурку перед собой. Франсин заметила ее реакцию и поспешила добавить:

– Не думайте, что я так цинична. Просто уж очень обидно бывает, когда такой талантливый человек приносит всё в жертву бутылке. Андерсу повезло, что Алекс увидела его картины. Иначе ими любовались бы только местные алкаши. Не думаю, что они в состоянии оценить по достоинству высокое искусство.

Еще один кусочек пазла лег на место, но узора в целом Эрика все еще не видела. Почему Алекс хранила работу Андерса Нильсона в гардеробе? Может, хотела сделать подарок Хенрику или любовнику и заказала свой портрет мастеру, чей талант ценила? Звучало не слишком правдоподобно. Чувственность картины Нильсона явно указывала на особые отношения между художником и моделью. С другой стороны, Эрика так мало понимала в современной живописи, что не могла доверять своим ощущениям.

По залу пробежало оживление, и все внимание Эрики переключилось на дверь, где несколько шокированная публика встречала новую группу гостей. Когда на пороге появилась Нелли Лоренц, на мгновение все затаили дыхание. Эрика тут же вспомнила статью, которую отыскала в спальне. Голова сразу разбухла от мыслей.

* * *

С конца 1950-х благосостояние Фьельбаки было связано с консервной фабрикой Лоренцев. Там работала почти половина трудоспособного населения, и Лоренцы считались чем-то вроде королевской семьи в маленьком поселке. Но возможностей для развития светской жизни здесь не имелось, поэтому клан держался особняком и с высоты холма, на котором стояла их огромная вилла, смотрел на Фьельбаку как на свои владения.

Фабрику основал Фабиан Лоренц в 1952 году. Выходец из рыбацкого рода, он должен был продолжить дело отца и деда. Но рыбные ресурсы истощались, и это заставило умного и амбициозного молодого человека ступить на другой путь.

Он начинал с нуля, а после его смерти в конце семидесятых вдова Нелли Лоренц получила не только безупречно функционирующее предприятие, но и значительное состояние. В отличие от супруга, которого в поселке любили, Нелли пользовалась репутацией бесчувственной и высокомерной особы. Она редко бывала на людях и общалась лишь с немногими, во время истинно королевских аудиенций, которые назначала сама.

Именно поэтому появление Нелли Лоренц в доме Биргит и Карла-Эрика произвело такой ошеломляющий эффект и дало пищу сплетням и пересудам на много месяцев вперед. В нависшей тишине был бы слышен стук упавшей булавки. Нелли милостиво позволила Хенрику снять с нее меха и под руку с ним вошла в гостиную. Устраиваясь в кресле между Биргит и Карлом-Эриком – очень выборочно, – раздавала приветствия. Когда фру Лоренц погрузилась в светскую беседу с родителями Алекс, публика навострила уши.

Одной из тех, кто удостоился кивка местной королевы, была Эрика. Она считалась ближайшей соседкой Лоренцев и незадолго после смерти родителей тоже удостоилась приглашения на чашку чая, которое вежливо отклонила, объяснив это тем, что еще не оправилась от потрясения.

Сейчас Эрика наблюдала за Нелли, расточавшей Биргит и Карлу-Эрику свои сдержанные чувства, если таковые вообще могли быть в этом высохшем теле, во что верилось с трудом. Худая, костлявая Нелли глянцевым остовом торчала из дорогого платья. Похоже, она всю жизнь морила себя голодом, чтобы поддерживать презентабельный вид. Но то, что скрашивается естественной свежестью в молодости, в старости выглядит иначе. Правда, на лице Нелли с заострившимися чертами не было и следов морщин, но это лишь наводило на

мысль о скальпеле, пришедшем на помощь природе.

Главное ее достоинство составляли волосы. Пышные, серебристо-седые, они были уложены в элегантную прическу и так туго стянуты на затылке, что кожа на лбу натянулась, придав лицу Нелли несколько удивленное выражение. По оценке Эрики, фру Лоренц было чуть за восемьдесят. Поговаривали, что в молодости она работала танцовщицей в одном из сомнительных заведений в Гётеборге, где ее и отыскал Фабиан. Это подтверждала вышколенная грация, сквозившая в каждом ее движении. Хотя, согласно официальной версии, Нелли никогда близко не подходила к танцевальным заведениям и была дочерью какого-то консула из Стокгольма.

Утешив скорбящих родителей, Нелли вышла на веранду и подсела к Юлии. Публика не подала виду, из последних сил сдерживая нарастающее удивление. Разговоры продолжались, но все внимание было устремлено на странную пару.

Эрика наблюдала за Нелли и Юлией из своего угла, куда удалилась после того, как от нее отошла Франсин. Впервые за сегодняшний день она видела улыбку на лице Юлии. Девушка спрыгнула с подоконника и села на ротанговый диванчик рядом с Нелли, где они долго шептались, прижавшись друг к другу.

Что могло быть общего у этих столь разных женщин? Эрика покосилась в сторону Биргит. На лице матери Алекс высохли слезы, она смотрела на Юлию округлившимися от ужаса глазами. Интерес к Нелли сразу принял другой оборот. Теперь Эрика думала о том, что, возможно, ей и стоило бы посидеть с фру Лоренц за чашкой чая.

Покинув дом на холме, Эрика почувствовала облегчение и полной грудью вдохнула свежий зимний воздух.

* * *

Патрик волновался. Давненько он не готовил ужин для женщины, тем более той, которая ему нравилась. Все должно было быть в лучшем виде.

Мурлыча под нос песню, Патрик нарезал огурцы для салата. После долгих и мучительных размышлений он остановил выбор на говяжьем филе, которое

сейчас томилось в духовке на последней стадии готовности. Соус пузырился на огне сверху, и у Патрика заурчало в желудке.

День выдался тяжелый. Уйти с работы пораньше не получилось, поэтому прибираться пришлось в срочном порядке. Патрик и не подозревал, в какой упадок пришел дом с тех пор, как ушла Карин.

Но Эрика не должна была все это видеть. Было бы обидно подпасть под стереотип молодого холостяка с вечным бардаком в квартире и пустым холодильником. Выходит, Карин в одиночку тащила весь этот немалый воз, а он принимал домашний уют как должное. Он вообще многое принимал как должное, не задумываясь о том, скольких усилий это требует…

Когда в дверь позвонили, Патрик снял передник и в последний раз оглядел себя в зеркале. Волосы, несмотря на пенку, торчали в разные стороны.

Эрика, как всегда, выглядела фантастически. Щеки раскраснелись от мороза, пышные светлые локоны падали на воротник пуховой куртки. Патрик слегка приобнял гостью, вдохнув запах парфюма, и впустил ее в тепло.

Накрытый стол ждал. Пока разогревалось мясо, можно было заняться салатом. Патрик исподтишка наблюдал, как Эрика расправляется с половинкой фаршированного креветками авокадо. Он хотел угадать ее реакцию.

– Вот уж не думала, что ты способен сообразить обед из трех блюд, – сказала Эрика, жуя авокадо.

– Для меня самого это стало неожиданностью, – признался Патрик. – Ну… будем! – Он поднял бокал. – И добро пожаловать в ресторан «Хедстрём».

Они сомкнули бокалы, пригубили холодное белое вино и занялись едой.

– Как ты? – Патрик посмотрел на Эрику из-под нависшей челки.

– Ничего, в последнее время стало легче.

– Как ты вообще оказалась на допросе? Сколько лет прошло с тех пор, как ты общалась с Алекс и ее семьей?

– Двадцать пять, не меньше. Честно говоря, сама не знаю. Я как будто попала в смерч и теперь не могу или не хочу из него выбираться. Думаю, Биргит я нужна как напоминание о лучших временах. Но в общем и целом я далека от всего этого, поэтому мое присутствие на допросе совершенно не важно… – Она вздохнула. – Как расследование? Выяснили что-нибудь?

– Извини, но я не могу обсуждать эту тему.

– Понимаю. Прости, я не подумала.

– Ничего страшного. Я даже рассчитываю на твою помощь. Ты ведь знала эту семью раньше и общаешься с ними сейчас. Можешь поделиться своими впечатлениями о людях, которые окружали Алекс?

Эрика отложила приборы и задумалась, как бы понятнее изложить свои ощущения. Патрик внимательно слушал, по ходу подавая горячее. Задавал вопросы. Его удивляло, как у Эрики получилось собрать столько информации за такой короткий срок. Женщина, которая до сих пор была для Патрика безликой жертвой убийства, на глазах обретала плоть и кровь.

– Понимаю, что ты не можешь об этом говорить, но… может, у вас уже есть какие-нибудь версии? Кто ее убил?

– Нет. Признаюсь, в расследовании мы не особенно продвинулись. Любая наводка будет как нельзя кстати.

Патрик вздохнул, провел пальцем по краю бокала. Эрика думала.

– У меня есть еще кое-что, что, возможно, будет тебе интересно.

Она потянулась за сумочкой и вытащила на стол сложенную бумажку. Патрик развернул газету и вопросительно поднял брови.

– И при чем здесь Александра?

– Я задаю себе тот же вопрос. Эту газету я нашла в ворохе нижнего белья Алекс, в ящике ее письменного стола.

– Нашла? – еще больше удивился он. – И когда же ты успела заглянуть в ее письменный стол?

По тому, как покраснела Эрика, Патрик понял, что она от него что-то скрывает.

– Ну… как-то вечером я вошла в ее дом и порылась там немножко…

– Ты… что сделала?

– Знаю, знаю, молчи. Это была чудовищная глупость с моей стороны. Со мной так всегда: сначала делаю, потом думаю… – Эрика продолжала говорить, только чтобы не дать Патрику вставить слово. – Так или иначе, вышло так, что эта газета из ящика Алекс попала ко мне.

Хедстрём не стал уточнять, как же это так «вышло», благоразумно рассудив, что этого ему лучше не знать.

– Как ты думаешь, что бы это значило? – продолжала Эрика. – История двадцатипятилетней давности. Как она может быть связана с Алекс?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дорогая, не трогай это (англ.).

2

«Виктвэктар» (шв. Viktv?ktar – «контролер веса») – шведская программа по снижению веса, основанная на подсчете калорий. Количество «красных кружков» пропорционально количеству калорий и степени ущерба, который продукт может нанести фигуре.

3

Генрих Шартау (1757–1825) – шведский теолог и проповедник, представитель пиетизма.

4

Эргрюте, Майорна – округи Гётеборга.

5

Густав Фрёдинг (1860–1911) – шведский поэт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lekberg_kamilla/ledyanaya-princessa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить